

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДАНИИЛ КАЛИНИН

ИГРА НЕ ДЛЯ ВСЕХ
СТАЛИНГРАД

Сумеет ли он вернуться назад?..

Даниил Сергеевич Калинин
Игра не для всех. Сталинград
Серия «Игра не для всех», книга 3
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69348313

*Игра не для всех. Сталинград: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; М.; 2023
ISBN 978-5-17-147385-3*

Аннотация

Сталинград – знамя русской доблести и символ катастрофы германской военщины. Вырванная у врага победа, стоившая РККА огромных потерь, ведь в мясорубке боев за город от полнокровных полков оставалось по два десятка бойцов... Так было и с 282-м полком НКВД, 23 августа преградившим путь в город 16-й танковой дивизии Паулюса. Именно в этот полк попадает старший лейтенант Самсонов, вновь вынужденный поставить на кон собственную жизнь. Сумеет ли он вернуться назад, к семье и спасенной им любимой?! Или Рома слишком далеко зашел в смертельной игре?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	66
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Даниил Сергеевич Калинин
Игра не для
всех. Сталинград

© Даниил Калинин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

23 августа 1942 года

Декретное время: 18 часов 3 минуты

Район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

Мощные взрывы вздыбили землю за спиной так, что ощутимо трянуло даже первую линию траншей. Словно сильная качка на море, а под ногами – не надежная твердь утоптанной волжской степи, а бушующая водная стихия! На проплетавшую гимнастерку с бруствера посыпались твердые комки высушенного солнцем чернозема, а мгновение спустя над головой прокатилась тугая волна горячего воздуха...

Аккуратно высунувшись из окопа, я не удержался от смачного ругательства при виде перевернутой, смятой и отброшенной близким взрывом зенитки 52-К калибра восемьдесят пять миллиметров, самого сильного нашего противотанкового средства. Час назад огонь этих зениток на более чем километровой дистанции сжег два фрицевских панцера и один бронетранспортер, выступавший также в роли артиллерийского тягача. Этого вполне хватило, чтобы первая немецкая атака захлебнулась, так толком и не начавшись. Но даже получив этакий крепкий щелчок по носу, гансы из шестнадцатой Вестфальской танковой дивизии тут же запросили

воздушную поддержку – и получили ее.

На позиции зенитчиц (до «погружения» я не знал, что большинство расчетов 1077-го зенитно-артиллерийского полка, прикрывающего тракторный завод, сформированы из девушек) обрушились пикирующие бомбардировщики, «лаптежники» «Юнкерс-87» и скорострельные истребители «Мессершмитт-109» с пулеметно-пушечным вооружением, «худые». Навстречу им бьют осколочные снаряды, эффективно устремляются трассирующие очереди зенитных автоматов 61-К, на моих глазах уже дважды перехлестнувшие тяжеловесных «лаптежников».

Комбат Мороз, ясно понимающий, что без мощных зениток нам танки не остановить, распорядился прикрыть девочек также и из ручных «дегтяревых», но, как по мне, расчеты просто жгут небольшой запас бронебойных патронов. Все, что они действительно могут, это заставить кого-то из «лаптежников» сбиться с курса и кинуть бомбу мимо цели. И все же всем нам так спокойнее: не бывшие еще в настоящем бою мужики испытывают реальное чувство вины при виде разрывов тяжелых авиабомб на позициях зенитных батарей. Там, где сейчас гибнут молодые девчонки, по большой военной нужде освоившие опасную мужскую профессию... И то, что мы хоть как-то помогаем им, оказываем посильную поддержку, все же примиряет бойцов с тем фактом, что нашим женщинам приходится сражаться и умирать за нас.

Впрочем, умереть за девочек-зенитчиц мы и сами еще

успеем, так сказать, вернем долги сторицей. И все благодаря мне! Н-да... На самом деле у меня было меньше недели, за время которой я развел крайне кипучую деятельность, и, хотя дар убеждения меня оставил, мне везло. Просто очень везло.

Во-первых, удалось получить назначение не в сводный батальон НКВД и не в расквартированные вне Сталинграда полки 10-й дивизии, а в только что прибывший в город 282-й полк, по идее имевший полный комплект командиров. Однако комполка, майор Митрофан Григорьевич Грущенко, заинтересовался успевшим хлебнуть на фронте лиха старшим лейтенантом и забрал меня в свой штаб. А на месте я с ходу проявил себя, предложив создать в полку снайперские курсы, которые я сам мог бы и возглавить, и организовать, и, собственно, подготовить бойцов. В качестве примера я приводил личный опыт боев за Воронеж, где мной уже была сформирована стрелковая группа, специализирующаяся на пулеметных расчетах и офицерах противника.

За семнадцатое и восемнадцатое числа были проведены стрельбы, на которых я отобрал личный состав (по два человека с каждой роты), в основном выделяя бойцов с лучшими показателями по кучности стрельбы. Еще три дня мы потратили на интенсивную подготовку на выделенном полку оборонительном рубеже – от Опытной станции до высоты 135,4. Ребята неплохо подтянули стрелковую подготовку, я подробно рассказал им о выборе упреждения на разных дистанци-

ях и по движущимся целям, это мы, как смогли, закрепили практикой. Поделился информацией, как выбивать пулеметные расчеты (в частности, ночью), ведя огонь по вспышкам пламени на раструбах «машингеверов», как распознать офицеров и унтеров среди наступающих (вооружены пистолетами-пулеметами, довольно активно жестикулируют, отдавая приказы), дал им основы теории снайперской охоты. Много говорил о правильном выборе лежки (главное – не удобство для стрельбы, а неприметность!), необходимости ограничить число выстрелов по выбранной цели (один, максимум два, третий раз снайпер стреляет уже в себя). Объяснил, что перед «охотой» необходимо есть очень мало, а также мало еды брать с собой (немного хлеба, сахар). Иначе просто не сможешь несколько часов усидеть на одном месте, задержась, и тогда дежурный пулеметчик обязательно даст пару очередей в твою сторону, да и минометчики не пожалеют «огурцов».

Впрочем, на данном этапе «снайперские курсы» были нужны для подготовки достаточно уверенных в себе стрелков, способных открыть точный огонь метров за двести-триста именно из окопов, выбивая унтеров и офицеров, а также пулеметные расчеты. И это при наверняка сильном ответном огне противника. Очень надеюсь, что пример хотя бы двух человек в роте вдохновит других бойцов, заставит стрелять целясь, а, собственно, мои подопечные, ничем на деле не отличающиеся от сослуживцев, поверят в себя, получив брос-

кое звание снайперов. Как-то так...

Вечером 21-го я вновь проявил активность, предложив провести совместные учения с бойцами 21-го отдельного учебного танкового батальона под предлогом обкатки танками личного состава и тренировочных гранатометаний. Ну а курсантам, в свою очередь, предложили отработать атаки на хорошо подготовленные траншеи при поддержке десанта из наших же бойцов. Предложение с моей стороны поступило вовремя: 3-я учебная рота батальона как раз планировала провести стрельбы 23-го августа – на роковую дату командира и договорились о совместной тренировке. И, слава богу, без каких-либо проволочек: боевое слаживание в войсках пусть еще не стало нормой, но в целом ситуация значительно улучшилась по сравнению с 41-м годом, когда в войну вступила фактически армия мирного времени...

Чтобы приблизить условия боевой подготовки к реальным, я также предложил подготовить опорные пункты у позиций батарей зенитчиков. Мол, собственной противотанковой артиллерии в полку кот наплакал (всего четыре сорокапятки), бронебойные ружья нам пока не выделили, а максимально эффективным при отражении условной танковой атаки будет использование зенитных орудий, имеющих солидный калибр 85 миллиметров.

На второй год войны уже не только наши танкисты знали, насколько эффективно используют немцы свои зенитки калибра 88 миллиметров против советской бронетехники, и

ответить им тем же выглядело крайне разумно. Три батареи на холмах, три ротных опорных пункта для их прикрытия. Плюс зенитчикам предложили наметить реперы на местности для ведения огня по наземным целям и пристрелять их. Заодно я ненавязчиво поинтересовался у командира дивизиона Даховникова о наличии бронебойных снарядов к зениткам и вслух порассуждал о необходимости иметь запас любых снарядов к орудиям, а также о нестабильности на войне. А вдруг завтра немцы прорвутся к городу как раз со стороны их батарей? Двадцать второго августа днем это казалось если не немислимым, то явно далеким и умозрительным. Но за день все может поменяться, я это знал наверняка.

Вчера мы копали. Даже нет, не так: Копали! С большой буквы. Почему именно с большой? Потому что я добился того, чтобы роты 1-го стрелкового батальона с головой зарылись в землю, оборудовав запасные огневые позиции для станковых пулеметов, отсечные ходы, «лисьи норы» – укрытия для пехоты на время минометных обстрелов – и извилистые ходы сообщений.

Комбат Мороз, находящийся в равном мне звании старшего лейтенанта, довольно ревниво отнесся к тому, что я так рьяно взялся за его подчиненных, поэтому пришлось прихватить в сущности молодого парня под локоть, мягко, но твердо отвести его в сторону и прочитать целую лекцию о необходимости максимально надежно окапываться. Хорошо подготовленный окоп – это лучшая защита и от артиллерий-

ского обстрела, и от авианалета, а при танковой атаке он дает лишний шанс выжить, особенно если вражеская бронетехника решила проутюжить траншеи. И вообще, а вдруг завтра немцы? А у нас на этом участке уже подготовленные опорные пункты!

Короче, воды я вылил немерено, давя авторитетом бывалого ветерана, кровью заплатившего за боевой опыт, и хотя комбат остался недоволен, мешать он не стал, уже от своего лица отдав приказ копать окопы едва ли не по полной программе... Не знаю, как на эту ситуацию повлияла моя близость к командиру полка, идущему навстречу инициативам пришлого старлея. То ли Мороз решил не обострять по этой причине, то ли, наоборот, прикидывал, что в ближайшее время могут сделать рокировку и меня поставят на батальон (возможно, и первый), а оттого невольно испытывал ко мне неприязнь. Может быть, и все вместе, не удивлюсь. Но для меня главным был результат, а в данном случае к вечеру 22-го он был налицо: хорошо подготовленные опорные пункты, даже несколько большие, чем то предписывает устав для размещения стрелковой роты, прикрыли зенитные батареи.

Теперь немцам будет не так-то просто ворваться в их расположение, давя гусеницами и расстреливая беспомощных в ближнем бою сталинградских девчонок-добровольцев, как это было в реальном 42-м... Но, учитывая, что у нас самих нет легкой противотанковой артиллерии, равно как и бро-

небойных ружей, специализированных гранат типа РПГ-41 кот наплакал, а единственным реальным средством борьбы с бронетехникой являются бутылки с КС... Боюсь, что наше героическое сопротивление будет не столь и долгим...

Эх, продержаться бы до темноты, пока сюда перебрасывают основные силы полка, а работники тракторного завода спешно оборудуют новые «тридцатьчетверки» для танкистов обоих учебных батальонов... С тревогой я вновь посмотрел назад, в сторону КП роты: рядом с ним, в просторном блиндаже, прикрытом толстыми дубовыми плашками в три наката, развернут и временный санитарный пункт, где сейчас находится моя жена. Точнее, ее бот, по ночам каким-то образом подключающийся к сознанию вернувшейся к реальности Оли (и к которому я успел привязаться, спроецировав на игровой персонаж чувства к реальному человеку). Впрочем, тут, кроме меня, все являются игровыми персонажами, что не делает их менее реальными. А иногда в голову лезут уж совсем безумные мысли. Например, что все сражающиеся рядом со мной есть не просто персонажи игровой виртуальной реальности, а что это души когда-то погибших людей, которые вновь переживают случившуюся бойню... Бред, конечно, горячечный бред. Но ведь лезет же в голову...

Н-да... Сейчас я уже очень остро пожалел, что позволил упрямой казачке перевестись в полк вслед за мной. Думал, что сумею приглядеть, если она будет рядом, но на войне ведь всякое бывает! Утешает лишь то, что в случае гибели

бота сама Оляка пострадать не должна. По крайней мере, я на это надеюсь...

Учения прошли в целом неплохо: бойцы попрактиковались кидать учебные гранаты и имитацию бутылок с зажигалкой (с простой водой) в танки, также люди прошли и достаточно жесткую обкатку «тридцатьчетверками». Это когда бойцы по очереди залезают в наспех вырытые одиночные ячейки и ждут, когда над ним пройдет, лязгая гусеницами, бронированная махина весом в двадцать шесть тонн. А уже после высовываются из окопа и бросают на уязвимую для любого танка корму макет, имитирующий РПГ-41. Была, конечно, пара внештатных ситуаций, когда бойцы не выдерживали и буквально выпрыгивали из ячеек, пытаясь убежать от танка, но их Мороз жестко обматерил перед строем, объяснив всем, что от «коробочки» не убежать: догонят пулеметные трассы.

Еще один крайне неприятный случай произошел, когда один из молодых танкистов провел машину почитай практически по самому окопу, обвалив часть стенки. Вот тут меня самого едва удар не хватил. Слава богу, обошлось без последствий, бойца вовремя откопали, и никаких повреждений он не получил... Все равно ЧП, но уже не помешавшее закончить учения и дожидаться появления фрицев, после которого покидать подготовленные позиции было и поздно, и глупо.

Более того, взвесив все за и против, командир учеб-

ной танковой роты старший лейтенант Григорьев приказал разместить свои «тридцатьчетверки» (в количестве десяти штук) за нашими окопами, а спешно вырыть капониры для танков помогали всем миром. Еще бы! Когда остаешься без артиллерии, наличие собственных «коробочек» за спиной ощутимо повышает твои шансы выжить.

Правда, запас снарядов у танкистов едва ли половинчатый, но обещали подвезти. В любом случае это лучше, чем ничего... Хотя налет еще не окончился, а два танка уже чадно горят, и вряд ли кто из экипажей, состоящих из курсантов, выжил; еще одной машине из-за близкого взрыва повредило орудие.

По-прежнему лучше, чем ничего...

Глава 1

23 августа 1942 года

Декретное время: 18 часов 12 минут

Район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

– Идут...

Короткой, рубленой фразой сержант Малофеев Константин сумел передать все напряжение и волнение, охватившее нас при виде неотвратно приближающихся «троек», длинноствольных, обвешанных гусеничными траками, и бодро пылящих по степи бронетранспортеров «Ганомог» с пехотным десантом.

На высоте уже заговорили зенитки прикрывающей роту батареи (хотя тут еще посмотреть, кто кого прикрывает), два из четырех уцелевших орудий. Примерно за километр грохнули и танковые пушки, также две – вполне рабочая дистанция для Грабинской Ф-34. Последняя на полигонных стрельбах уверенно поражала за тысячу метров пятьдесят миллиметров брони той же «тройки» или ранних версий «штуги». Помощник же подсказывает, что в атаке участвуют Т-3 модификации J, орудие у него уже более длинное, а вот лобовая броня еще не усилена...

Вот и сейчас от попадания курсантов задымил, загорел-

ся один, затем другой танк... Не такое уж и плохое начало! Правда, в атаку только на нашем участке идут не менее двадцати панцеров, они в крайнем случае и числом задавить смогут. А с семисот метров экипажи «троек» уже вполне способны поупражняться в пробитии лобовой башенной брони наших «коробочек»... Да и оптика у фрицев качественная, наводчики отлично подготовлены.

Куца батарея на высотке хоть и достает врага с полутора километров, выбив за время второй атаки уже три танка, но и снаряды фрицев теперь рвутся практически на позиции героических девчонок. На зенитках отсутствуют защитные бронешитки, и пока наших выручает только небольшой калибр осколочных гранат да капониры, прикрывающие нижнюю часть орудий. Но гансы-то пристрелялись...

– Костя, пока пехота в атаку не пойдет, «максим» даже не свети – разобьют к хренам собачьим, и расчет сгинет без всякого смысла! Только когда увидишь, что побежали на крайний рывок до окопов, тогда и жарь без всякой жалости!

Командир пулеметного расчета станкового «максима», сержант Малофеев, энергично кивнул. Резким движением он словно бы попытался отогнать скованность, охватившую необстрелянных бойцов при виде развернутого внутрь клина немецкой бронетехники.

Да чего уж греха таить, мне и самому не по себе! Отвык я от таких боев. Собственно, в столь масштабных драках до настоящего момента принимать участия мне не доводи-

лось. Даже в том жарком бою у Парпачских позиций, утром восьмого мая, с вражеской стороны не было брошено в бой столь сильного бронированного кулака... Да и само ощущение близкой смерти, необходимость рисковать собой – все это вроде как в новинку, приходится заново привыкать.

Так часто бывает после возвращения на фронт из госпиталя, а тут еще и условия «игры» поменялись. Раньше-то я никак не мог позволить себе умереть, но все равно уже со второго «погружения» в глубине души знал, что, умерев здесь, проснусь в своей реальности. Пусть потеряв шанс (или практически потеряв!) вытащить Олю, но все-таки сам буду жить! А теперь этой уверенности уже нет, и какого тогда хрена я вновь замер в окопах, забравшись в буквальном смысле волку в пасть?!

Впрочем, в глубине души я, кажется, знаю ответ. Он мне не нравится, но... Похоже, я так и не наигрался в Великую Отечественную, похоже, что я – адреналиновый маньяк или что-то вроде того, раз не могу жить без этого риска. Головой понимаю: надо оставаться в тылу, надо искать варианты со штабными, а еще лучше – тыловыми должностями, но... Но здравый смысл также подсказывает, что в Сталинграде тыловых должностей как таковых не будет, да и не смогу я в «условном» тылу хоть на что-то повлиять. В штабники же не вышел ни званием, ни возрастом, ни образованием, в конце концов... Авторитета или умения подхалимничать мне также не хватает... Впрочем, в ближайшем будущем все

штабные командиры 10-й стрелковой дивизии НКВД также окажутся на передовой. А уж дезертировать и вовсе глупость, тут точно поймают и к стенке поставят. Так что как ни крути, а полезней всего я там, где смогу повлиять на ситуацию, то есть на передовой. И вся тяга к острым ощущениям – это вроде как и не решающий довесок...

Аккуратно протерев промасленной тряпочкой чуть запыленный затвор винтовки, старой доброй трехлинейки Мосина образца 1891/30 года, я в очередной раз перебираю на полке, выдолбленной в стенке окопа, свою «карманную артиллерию»: две «лимонки» и две «эргэдэшки» в оборонительных рубашках. Так удобней, заранее приготовил, вкрутив запалы, и к подсумкам не тянуться не надо.

Две бутылки с заводской зажигательной смесью КС стоят в специальном углублении на дне траншеи, в полуметре от меня справа. Опасная это штука, заводской коктейль Молотова! Температура горения – свыше тысячи градусов, водой его не потушишь, и если липкая жидкость попала на форму, то прожжет и ткань, и мясо до костей. Потому и побаиваются ее красноармейцы: не дай бог неосторожно разбить бутылку на себе или держа в руках! Верная смерть! А так хоть в стороне; даже если во время боя случайный осколок заденет, то огненная смесь не сразу растечется, должен успеть отскочить...

Чуть впереди слева тихо переговариваются бойцы из пулеметного расчета. Позицию им мы подобрали удачно, с нее

можно вести фланкирующий огонь сразу на две стороны вдоль линии траншей опорного пункта. Только вот к немцам близко – ячейка пулеметчиков фактически вынесена вперед, но зато оборудована укрытием из толстых дубовых плашек и замаскирована с фронта. А я специально подобрался поближе к расчету Малофеева: в случае чего ребят поддержу метким огнем и гранатами помогу.

За время снайперских тренировок успел сам немало пострелять и убедился, что, несмотря на откат игровых способностей, из надежной трехлинейки за двести метров бью весьма точно и кучно. Кстати, под конец первого дня учебы перед глазами мелькнула короткая запись: «*Поздравляем! Вами достигнут уровень “меткий стрелок”!*» Весьма неплохое приобретение перед началом боев, породившее во мне уверенность, что на деле утрачены далеко не все навыки бывшего диверсанта/осназовца и армейского ветерана. Уже сегодня утром ради интереса пометал на учениях и муляжи гранат – мышечная память сохранилась, хотя былой точности и дальности броска уже нет.

И все же мои результаты были одними из лучших в батальоне, а после тренировки меня обрадовала очередная запись: «*Поздравляем! Вами достигнут уровень “опытный гранадер”!*» Короче, есть основания считать себя достаточно подготовленным бойцом, способным реально оказать поддержку пулеметчикам. Да и за «максим» в случае чего смогу встать, по крайней мере, теорию стрельбы из него знаю – а

там ведь, кстати, целая наука при зарядании новых лент! – и как вел из него огонь в боях за Воронеж, помню неплохо. Должен справиться...

Конечно, в теории я мог бы и роту возглавить, надавив авторитетом бывалого фронтовика, благо, что старше лейтенанта Степана Герасимова по званию. Но последний произвел на меня хорошее впечатление, вроде бы неглупый основательный парень, к тому же кадровый военный с полноценным образованием стрелкового командира. И потом, нет у меня уверенности, что в предстоящем бою, без всех автоматических навыков и умений, я смог бы потянуть роту, тем более в столь серьезной, жесткой драке, которая нам предстоит...

С каждой пройденной сотней метров (на скорости километров двадцать в час) немцы теряют танки, огрызаясь, впрочем, довольно точным и частым огнем. Замолчала еще одна зенитка – какой-то наводчик-снайпер всадил пятидесятимиллиметровый осколочный снаряд точно в орудие, повредив подъемно-поворотный механизм и выбив расчет как минимум наполовину.

Уже несколько попаданий пришлось на торчащие из глубоких танковых капониров башни «тридцатьчетверок». Пробитий, правда, пока нет, но экипажам достается крепко – каждый удар немецкой болванки ощутимо встряхивает машины и оглушает людей. Кроме того, велика вероятность, что выдержавшая фронтальный удар броня крошится

изнутри, бьет экипажи пусть мелкими, но опасными осколками, которые могут всерьез травмировать, а иногда и убить. В любом случае вести точный ответный огонь в подобных обстоятельствах практически невозможно, и очевидно, что шесть горящих панцеров помимо подбитых ранее пяти «коробочек» есть максимальный результат нашего артиллерийского прикрытия.

Еще немного – и минимального угла возвышения горизонтальной наводки стоящей на высоте зенитки будет уже недостаточно, чтобы драться с вражескими машинами. Правда, и они какое-то время не смогут достать наших девчонок... Но благодаря мертвой для огня обеих сторон зоне у немцев появится явное преимущество, ведь, проскочив ее, они смогут выйти практически к самой батарее. Так было в реальности, но сегодня на самой границе непростреливаемого участка расположился опорный пункт роты. Да только уверенности, что нам хватит сил тормознуть оставшиеся девять танков и с десятков бронетранспортеров с десантом, у меня нет никакой... Хоть бы сразу не побежали...

Очередной снаряд зенитки, удачно всаженный расчетом под основание башни «тройки», сорвал ее с погон, заставив замереть машину, замыкающую острие вражеского клина. Но практически одновременно с нашим восторженным криком «ура!» (бойцы ликовали при каждом удачном попадании) два тормознувших панцера с коротких остановок точно всадили по болванке в одну из «тридцатьчетверок» – и в этот

раз чуда не случилось. Выпущенные с дистанции менее пятисот метров бронебойные снаряды пробили броню нашей «коробочки», вызвав практически сразу последовавшую за выстрелами детонацию снарядов. Хоть осколочно-фугасных выстрелов в боезапасе курсантов было раза в два меньше нормы, их подрыва хватило, чтобы мощный взрыв подбросил башню танка на несколько метров в воздух...

– Твари!!!

Ненависть к фрицам, страх за Олю и чувство вины, что позволил ей перевестись к нам, желание поквитаться за погибших танкистов – все эти чувства захватили меня в один миг, заставив забыть о буквально смертельной опасности. Аккуратно прислонив винтовку к стенке окопа, я вытащил из нижней ниши обе бутылки с КС и, пригнувшись, молча припустил по ходу сообщения наперерез ближнему танку.

Большинство бойцов ожидаемо жмутся на дне с таким трудом вырытых ячеек – плотный (голова не поднять!) огонь курсовых и спаренных танковых МГ-34 буквально срезает бруствер на дно траншей. Панцеры поддерживают и пулеметчики «ганомагов», только теперь высаживающих десант и активно прикрывающих камрадов плотной стрельбой.

До одного из бронетранспортеров сумели удачно дотянуться зенитчицы, вложив в открытый кузов машины осколочно-фугасный снаряд. Отделение мотопехотинцев, еще не успевшее покинуть десантный отсек, накрылось в одну секунду, но в ответ как минимум три пулеметные трассы уве-

ренно скрестились на последней уцелевшей зенитке. М-да, боюсь, что уцелевших девушек не хватит сформировать и единственный боеспособный расчет...

Между тем «тройки» неотвратимо приближаются, уже ощутимо чувствуется явная дрожь земли, в которую вминаются траки более чем двадцатитонных машин. И хотя мы сегодня же обкатывали бойцов, сейчас мало кто может пересилить свой страх перед бронированными махинами. То, что это средние танки, в голове как-то не особо укладывается...

– Огонь! Огонь, твою ж налево, отсекайте пехоту!!!

Добежав до ячейки расчета ручного «дегтярева», я не удержался от начальственного рыка. Но рычу по делу, ведь если не прижать немецкий десант и позволить зольдатам вермахта добежать до окопов вместе с панцерами, то роту раздавят в считанные минуты. Шанс сжечь «коробочки» у нас появится, только если мы заставим пехоту залечь, а значит, нужно драться!

– Я сказал – огонь!!! Или мне вас расстрелять за неподчинение командиру в бою?!

Перехватив вторую бутылку левой рукой, правой потянулся к кобуре. Младший сержант и его помощник, сблестнувшие при виде вороненого ТТ, зашевелились, укладывая на бруствере пулемет. Первый номер тут же сгоряча саданул длинную, вполовину диска очередь поверх голов приближающихся десантников.

– Ты что, тварина, пулемет угробить хочешь?! Бей корот-

кими, целься! Думаешь, если поверх голов лупить будешь, тебя фрицы пожалеют?! У них приказ энкавэдэшников в плен не брать!

Тут я, конечно, приврал: слышал, что пограничников вроде как немцы в плен не брали, но, на мой взгляд, байка. И потом, нацисты в бою одинаково жестоки к побежденным, а уж к тем, кто дрался с ними наиболее самоотверженно и ожесточенно, зачастую и вовсе беспощадны. Но младшему сержанту, первому номеру расчета ДП-27, об этом не стоит знать: воевать лучше будет...

Вторая очередь «дегтярева» легла гораздо ближе и кучнее к бегущим фрицам, кажется, зацепив кого-то из десантников. Но в ответ тут же ударили скорострельные танковые «машингеверы», срезая бруствер. Я инстинктивно шархнул в сторону по ходу сообщения, отчетливо расслышав мерзкие чпоки рвущейся плоти... Вскрикнул второй номер, поймав пулю в плечо, а сержанту строчка трассеров в ключья изорвала гимнастерку на груди, отбросив мертвое тело бойца на дно ячейки.

Следом в бруствер точно врезался пятидесятимиллиметровый снаряд, снеся его остатки и врезавшись в противоположную стенку окопа – был бы осколочный, тут-то мне и конец. Но фрицы зарядили бронебойный, собираясь высадить его в молчащую «тридцатьчетверку», и поспешили выстрелить из орудия. Повезло... В этот раз. А вот первому номеру – нет. Столь скорая смерть бойца, которого я фактически

и погубил, меня ошеломила; на несколько долгих, томительных секунд я замер, не в силах пошевелиться, а в чувство пришел, только услышав очереди «максима». Второй станковый пулемет ротный приберег, определив его место в глубине позиций. Так, кстати, делают и фрицы. Очевидно, Герасимов собирался использовать его в качестве последнего резерва при прорыве фрицев к ротному КП, но вынужденно ввел в бой уже сейчас.

Ровные строчки трассеров кучно бьющего станкача устремились навстречу десантникам, заставив залечь одну из групп атакующего противника, раздались, возможно, первые и пока редкие выстрелы трехлинеек. Но в дело включились «снайперы»: на моих глазах упал рослый фриц с МП-40 в руках, словив пулю в живот. Хороший, точный выстрел, как я и учил. Разве что наличие пистолета-пулемета для десантников из мотопехоты германцев не такая уж и редкость, и не факт, что это был даже унтер, но я все равно испытал гордость за подготовленного мною бойца. Наверное, Кошкин Ваня, он лучший стрелок в снайперской паре второй роты...

Всем хорош устойчивый, кучно и метко бьющий «максим» с водяным охлаждением, работающий, словно заправская швейная машинка, и способный буквально выкосить пехоту наступающего врага. Разве что размеры его подводят: даже без щитка массивное тело пулемета легко поймать в первоклассную цейсовскую оптику... Не такой и большой (и двух килограммов нет) осколочно-фугасный снаряд снес

станкач с бруствера, раскидав расчет. Бойцы свой долг выполнили до конца. И именно их огонь заставил фрицев по фронту залечь – секунд на тридцать, не более, но даже эта заминка увеличила разрыв между пехотой и бронетехникой германцев. А кроме того, героически погибшие воины все же «разбудили» роту – окопы наконец-то огрызнулись дружным огнем трехлинеек и ручных пулеметов, который становился сильнее с каждой секундой, одновременно затрудняя выбор цели немецким танкистам.

Глава 2

23 августа 1942 года

Декретное время: 18 часов 26 минут

Район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

Экипаж панцера, который я наметил для себя в качестве цели и чьи очереди выбили расчет ручного «дегтярева», разумеется, не удовлетворился тем, что пулеметный огонь русских стих. «Тройка» двинулась в нашу сторону, простегивая бруствер густыми очередями МГ, так что мне пришлось спешно прятаться на дне траншеи.

– Эй, боец! Второй номер, выползай из ячейки! Быстрее давай, сейчас ее фашист давить будет!

Но стонущий, бледный от потери крови парень, по лицу которого градом катились крупные капли пота, словно не слышал меня. Одновременно он зажимал ладонью простреленное плечо и протяжно подвывал от боли. Ругнувшись и одновременно молясь, чтобы фрицы не всадили в окоп осколочный снаряд, я рванул к парню, на секунду бросив взгляд на остекленевшие, испуганно и удивленно вытаращенные глаза младшего сержанта. Короткий укол чувства вины сменило столь же короткое сожаление, когда я перевел взгляд на поврежденный пулями «машингевера» «дегтярев».

Подхватив под здоровую руку второй номер, я едва ли не силком потащил его прочь из ячейки. Сверху стегнула очередь спаренного пулемета, трассы приблизившегося танка прошли в полуметре над головой, но мы оказались уже в мертвой для его огня зоне, однако все равно упали на дно траншеи. Поднявшись через секунду, я зло сплюнул попавшую на губы землю, привалил раненого к стенке хода сообщения и уже бегом бросился назад, туда, где оставил бутылки с КС. Близкий рев танкового мотора заставляет сердце бешено колотиться от ужаса, но страх не сковывает меня, а придает силы. Я успеваю добежать до по-прежнему целых (слава богу!) бутылок, всем телом ощущаю дрожь земли под приближающейся машиной...

Высовываюсь буквально на мгновение – танк находится в каких-то десяти метрах от меня и бодро катит прямо на ячейку с погибшим пулеметчиком. Прорвавшись сквозь точный и сильный огонь зенитной батареи, а также прикрывающих нас «тридцатьчетверок», фрицы ожесточились. А вот слабый огонь из окопов заставил их поверить в собственные силы...

Самоуверенный экипаж повел свою машину давить проклятых большевиков, оторвавшись от чуть замедлившегося пехотного прикрытия. Немцы ожидали, что сильного сопротивления от недоразвитых азиатов не последует, но просчитались... Первая бутылка с КС, брошенная со смешной дистанции всего в десяток метров, разбилась на крышке бро-

ни под башней, напротив смотровой щели механика-водителя. Конечно, его глаза наверняка защитили триплексы, вот только теперь он вряд ли видит, куда едет...

Однако мой расчет, что панцер тормознет или начнет разворачиваться, не оправдался, так как машина продолжила движение вперед. Одновременно заревел привод, в считанные мгновения разворачивая в мою сторону башню – видимо, экипаж заметил, откуда прилетел коктейль Молотова. Но прежде чем трассы спаренного пулемета прошли бы меня, вторая бутылка с КС с силой – бросок был отчаянный – разбилась о лобовую броню «тройки», слева от орудия. Там, где был открыт малый лобовой лючок в маске, через который в меня целились из МГ...

Залитый огненной жидкостью танк замер, лишенный обзора из-за полыхающей на броне смеси. Но уже секунду спустя люк командирской башни открылся, и из него высунулся танкист с огнетушителем, хладнокровно принявшийся сбивать мешающее экипажу пламя. Вот только коктейль Молотова не так-то просто потушить, да и неудобно фрицу гасить пламя, растекшееся по маске орудия. Охваченный огнем панцер удачно закрыл меня от приближающегося десанта, а вырвать ТТ из кобуры было секундным делом, да и дистанция, отделяющая меня от германца, не зря называется пистолетной!

Поймав смелого офицера (скорее всего, офицера) на мушку, совмещенную с целиком, я дважды жму на спуск, и после

второго выстрела немец пропадает из прорези прицела. То ли ранен, то ли убит, хотя мог и просто нырнуть вниз, спасаясь от летящих в него пуль...

Секунду спустя танк крутанулся на месте и неотвратимо пополз прямо в мою сторону, ударила очередь спаренного пулемета, заставив пригнуться. Зрелище наползающей на меня двадцатитонной махины, к тому же объятый пламенем, показалось каким-то фантастическим и одновременно страшно жутким. Я осел на колени и буквально пополз вперед по окопу, встать уже просто не смог – тело начало бить настолько крупной дрожью, что оно перестало слушаться. Только с губ рвется бессвязная молитва:

– Господи, помоги... Господи, защити...

А за спиной уже совсем близко грохочут гусеницы бронированной «тройки», начавшей давить траншею...

Неожиданно сзади раздались какой-то грохот и дикий рев движка панцера. Упав на живот и развернувшись, я с трепетом и восторгом уставился на «тройку», одной гусеницей провалившуюся в траншею! Не иначе ошибся фактически ослепленный и подгоняемый командиром механ (скорее всего, я ранил офицера, и тот захотел поквитаться во что бы то ни стало). А такие ошибки на войне очень дорого стоят.

Открылся боковой люк башни, из нее высунулся танкист, с ходу давший вдоль траншеи неприцельную очередь из МП-40. Ему мешает целиться пламя, меня он, скорее всего, даже не разглядел, а вот третья пуля ТТ, торопливо вы-

пущенная по противнику (руки ходуном ходят!), все же нашла свою цель, ударив танкиста в грудь!

Открыв огонь по врагу, я немного успокоился и сумел среагировать, когда из по-прежнему открытого люка, наполовину закупоренного телом кричащего раненого, вылетела похожая на гусиное яйцо граната М-39. Резко дернув вперед, я успел укрыться за изгибом хода сообщения до того, как в окопе рванула мелкая, не особо сильная граната. Заодно поменял обойму на запасную, оставив девятый патрон в стволе, и остро пожалел, что не сохранил в подсумках ни одной гранаты. Если уцелею, одну всегда буду держать при себе!

Экипаж неудачливого танка добились подоспевшие бойцы роты. В воздух взлетело три или четыре ручных «эргэдэшки», часто защелкали выстрелы мосинок – молодые, разгоряченные парни мстили врагу за момент собственной слабости перед мощной, хорошо защищенной техникой, несущей им неотвратимую смерть. Фрицы пробовали отстреливаться, даже ранили одного из бойцов, но близкий взрыв гранаты хлестнул осколками очередного танкиста, высунувшегося из люка. И когда тот пропал внутри панцера, рослый, крепкий старшина смело подбежал к танку и умело закинул поставленную на боевой взвод РГД-33 прямо в люк. Грохнувший внутри взрыв добил экипаж, зашипели поврежденные снаряды, и героический старшина бросился назад. Я также поспешил вновь спрятаться за спасительным изгибом хода сообщения.

Через несколько секунд вновь раздался взрыв, теперь уже гораздо более мощный и страшный. Куски человеческих тел и покореженные гильзы вылетели из открытого люка, а следом из него ударила тугая струя пламени. Загорелся щедро разлившийся по дну траншеи бензин, густая лужа которого медленно, но неотвратно покатила в мою сторону. Плюнув на опасность, я выбрался из окопа, по-пластунски пополз обратно, в сторону пулеметного расчета Кости Малофеева: пока что меня надежно прикрывает черный густой дым горящей «тройки». Немецкие мотопехотинцы уже совсем близко, еще чуть-чуть, и ворвутся в окопы, а у меня из оружия только «тэтэшник» с одним запасным и еще одним, практически опустошенным магазином...

Из восьми танков, добравшихся до опорного пункта, поджечь пока сумели только две штуки. Один – я с бойцами, другой удалось остановить ротному политруку Ване Двуреченских. Он, в отличие от меня, умничать не пытался, пропустил танк фактически над головой и забросил бутылку с горючкой точно на жалюзи над двигателем, позади башни. Кто-то из бойцов бросил туда же вторую, а необычайно смелый политрук сколотил вокруг себя группу бойцов численностью до отделения и организовал на правом фланге узел обороны, опираясь на ручной «дегтярев» и собственный скорострельный ППШ, один из двух в роте. Остальные танки перемахнули первую линию траншей, поливая все ливневым огнем скорострельных пулеметов и давя людей прямо в

ячейках...

Десантники германцев также должны были уже ворваться в окопы. Но сержант Малофеев выполнил мои указания в точности и открыл плотный огонь второго ротного «максима» в тот момент, когда танки уже прошли мимо, а пехота врага как раз пошла на рывок, в рост. Густые очереди станкача разом смели фланкирующим огнем с десятков фрицев, заставив залечь остальных, но тут же в ячейку пулеметчиков густо полетели удобные для броски «колотушки» с длинной деревянной ручкой.

Две или даже три гранаты практически разом залетели внутрь; второй и третий номера расчета успели выбежать из нее, а сержант, который уже не успевал спастись, зло сцепил зубы и дал последнюю очередь по залегшему врагу, прозвучавшую как прощальный салют по самому себе... Подорвались «колотушки», изрешетив осколками тело смелого парня, выросшего на берегах Волги и в последние мгновения жизни наверняка вспомнившего мать с отцом да обеих сестреноч (с расчетом я успел познакомиться довольно близко, и Костя рассказывал о семье). Досталось и «максиму», словившему несколько крупных осколков, в том числе повредивших кожу, а я наконец-то добежал до вырытой в стенке окопа полки, на которой по-прежнему лежали гранаты...

– К бою, б...! Винтовку мою возьми, раз свою просрал!!!

Подносчик боеприпасов Тема Суханов, мелкий и щуплый парень, уставился на меня с широко раскрытыми от ужаса

глазами – он оставил свою трехлинейку в ячейке, где ее наверняка повредило взрывом. А вот второй боец, помощник наводчика Женька Степанов, чуть полноватый светловолосый парень, мосинку в руках держит крепко и, кажется, готов включиться в бой.

– Огонь!!!

Бойцы высовываются наверх, хотя Суханов делает это неохотно: он откровенно боится. Не понимает, что сейчас наш единственный шанс уцелеть – это как раз драться с врагом, принять бой и заставить немцев попятиться, отступить... Хотя веры в то, что у нас получится это сделать, нет даже у меня. Однако без драки я сдаваться не намерен. Разжав усики и вырвав чеку, отпустил рычаг, после чего выждал целую секунду и только после метнул «лимонку» к фрицам. Рискованно, запал Ковешникова ненадежен, но вариантов нет... Следом полетела и вторая граната, взрыв которой прижал немцев к земле.

Схватив «эргэдэшки», я крикнул обоим бойцам:

– Уходим, сейчас «колотушки» в ответ полетят!

Мы побежали плотной группой вперед по извилистой траншее, спасаясь от действительно летящих в нашу сторону М-24. Немцы торопятся подавить спонтанно образовавшийся узел обороны русских... Сзади раздаются несколько негромких взрывов, уже не успевших нас достать. Но благополучно миновав один поворот хода сообщения, а следом и второй, мы буквально вылетаем на группу из пяти фрицев,

уже занявших участки окопов.

– Граната!!!

Разгоряченный боем, я успеваю вовремя среагировать, метнув правой рукой одну из РГД-33 вперед, после чего бросился на землю. Ближний ко мне фриц, успев разглядеть летящую в его сторону «эргэдэшку», да еще и в оборонительной рубашке, бешено шарахнулся назад, сбив с ног кого-то из камрадов, и так же бешено, как и я, закричал:

– Granate!!!

Немцы дисциплинированно попадали на дно траншеи, а я в это время выхватил из кобуры верный «тэтэшник» и отрывисто скомандовал:

– Огонь!!!

Руки уже давно перестали дрожать, а расстояние, отделяющее нас от гансов, не превышает и пяти метров, так что в этот раз я практически не мажу. Две пули впиваются в спину ближнего противника, которого мне удалось так ловко провести, еще одна прошивает горло следующего за ним германца, попытавшегося было вскинуть карабин маузер. За спиной с разницей в пару секунд грохнули выстрелы обеих мошинок, а в ответ пророкотала короткая, расчетливая очередь немецкого унтера.

Над ухом раздался отчаянный вскрик, на щеку брызнуло что-то горячее, а оставшиеся шесть патронов я едва ли не залпом высадил по фельдфебелю. Первые две пули ушли в «молоко», так как бил быстро, навскидку, практически не

целясь, но третья зацепила врага, а четвертая и пятая впились ему в грудь, отбросив на спину. Еще один раз я нажал на спуск машинально и остро пожалел об этом, увидев, как вскочил на ноги единственный уцелевший фриц, целящийся в меня. Но сзади вновь грохнула мосинка, и немец осел на стенку окопа, так и не выстрелив.

– Женья, спасибо, Женья!!!

Боец посмотрел на меня ошарашенными, изумленными глазами – скоротечная схватка, в которой он своими выстрелами сумел убить двух фрицев и спасти командира, еще не отпустила молодого парня. Ничего, сейчас придет в себя. Да, в первом бою так зачастую и происходит...

А Суханова догнала очередь унтера. На секунду задержав взгляд на съжившемся в позе эмбриона теле погибшего, я отстраненно подумал, что мне этот паренек никогда не нравился, больно трусливым он был, да еще каким-то лошеным, что ли. Но смерть принял в бою, не хуже, чем многие, гораздо более смелые, чем он, бойцы.

– Рядовой Степанов, приходи в себя! Нам гранаты нужно с фрицев взять!

Но, отвлекшись от бойца, взгляд которого стал уже гораздо более осмысленным, я с тревогой посмотрел в сторону ротного КП – и замер с отчаянно занывшим сердцем. К командному пункту прорвались сразу две «тройки»: одна застыла перед окопами, не доехав до блиндажей с десятков метров. С танка сбило правую гусеницу и вмяло один из перед-

них катков близким взрывом не долетевшей до цели противотанковой гранаты РПГ-41, а сразу несколько бутылок с горючей смесью разбились о борта и лобовую броню панцера.

Рядом с машиной я разглядел два тела в черной форме военнослужащих панцерваффе: очевидно, экипаж решил покинуть обездвиженный и горящий танк, а возможно, фрицы пытались потушить пожар или отбиться огнем автоматов. В любом случае пули бойцов отделения, оставленного ротным в резерве, оборвали драгоценные жизни немецких танкистов. Зато вторая «тройка» сумела безнаказанно ворваться на КП, давя его гусеницами – она давит их и сейчас, заодно размолотив блиндаж Герасимова. Еще немного, и танк двинется в сторону второго блиндажа, оборудованного под санитарный пункт. А там сейчас Оля!

– За мной!

Не помня себя от страха за жену, я едва ли не полетел в сторону КП – благо, что один из ходов сообщения, ведущий прямо к нему, начинался за очередным поворотом. Пустой, незаряженный ТТ в правой руке и обычная противопехотная РГД-33 в левой – вот и все оружие. Ну да, и еще пыхтящий сзади боец с мосинкой, у которого хорошо если есть еще одна ручная граната...

Со всех сторон стучат выстрелы, пулеметные очереди, ухают гранаты. Рота еще живет, еще сражается с превосходящим врагом, несмотря на огромные потери и проклятые танки, против которых у бойцов есть только по паре буты-

лок с КС на брата... Стоп, ведь бутылки выдавали же всем бойцам!

– Женя, у тебя коктейль Молотова остался?!

Боец виновато отрицательно машет головой.

Впрочем, оно и понятно, ведь бутылки в большинстве своем держали отдельно, в окопах, замотав для надежности тряпками, чтобы не разбить ненароком. И когда «колотушки» летели в ячейку пулеметчиков, зажигательная смесь была последним, о спасении чего мог подумать в тот миг Степанов...

– Ладно, давай вперед, если что, прикроешь из винтаря!

Это я хорошо сказал! От спаренного МГ он меня прикроет?! Ладно, посмотрим...

Спрятав гранату в подсумок, на бегу перезаряжаю магазин, вставив в рукоять ТТ обойму с тремя оставшимися патронами, после чего вновь убираю пистолет в кобуру и достаю «эргэдэшку». Только что она сможет против танка? Хоть бы нам повезло и по дороге удалось разжиться чем-то посущественнее!

И хоть бы Олька протянула, пока я спешу к ней на помощь...

Глава 3

Александр проснулся резко, будто его рывком выдернули из тьмы ночного забвения. Вначале было даже непонятно, что послужило источником столь резкого пробуждения... Он не видел снов, события последних дней вымотали его настолько сильно, что ни душевных, ни физических сил уже не оставалось.

К примеру, каких трудов стоило хотя бы то, что он сумел убедить маму Ромы оставить сына в капсуле под его личным присмотром? А тут еще непонятные сны Оли, и если до недавнего времени она тихо плакала уже утром, переживая разлуку с регулярно снящимся ей Самсоновым, то сейчас радионяня громко транслировала ее тяжелое дыхание будто бы после бега да частые всхлипы. Александр также вспомнил, что во время пробуждения ему послышался отголосок вскрика, и, поняв, что ему не послышалось, он быстро нацепил на нос очки и накинул на плечи халат, после чего поспешил в соседнюю комнату.

Мещерякова плакала, но в этот раз это были не слезы душевной боли, а слезы пережитого страха. На это указывали и частое, глубокое дыхание, и гримаса ужаса, написанная на лице девушки, и испарина, покрывшая ее кожу.

– Оля, что? Что случилось?! Что тебе приснилось?!

В первую секунду девушка испуганно посмотрела на во-

шедшего к ней мужчину, но затем в глазах ее появились узнавание и облегчение.

– Мне приснился кошмар, дядя Саша, очень страшный кошмар!

Дядя Саша... Эта детдомовская девчонка назвала его так впервые перед роковым «погружением», отнявшим несколько месяцев ее жизни. Тогда Оля произнесла это так, словно признала его родным, и тем больнее было потерять ее в игре, которую он сам и создал! За последующий период времени закоренелый холостяк, у которого не сложилось с обоими бездетными браками, стал относиться к Мещеряковой если не как к дочери, то как минимум к родной племяннице. И каждый раз ее доверчивое, какое-то по-домашнему уютное «дядя Саша» будило в сердце целую волну чувств, от отцовской нежности до желания оберегать по сути-то чужого ребенка от любых невзгод и печалей. По возрасту Оля ведь действительно подходила ему в дочери...

Успокаивающе и ободряюще улыбнувшись девушке, Александр сел на край кровати, после чего взял узкую девичью ладонь в левую руку, а правой осторожно ее погладил.

– Все, не бойся, это просто сон... Только сон...

Пару секунд спустя Мещерякова тихо ответила, уже чуть успокоившись:

– Дядя Саша, вы же знаете, что это не просто сон. Я видела, что происходит там, у Ромы...

– Так... Хорошо. Ты можешь вспомнить, что именно?

Нет, если тебе тяжело, не надо, просто это может быть важно...

Девушка выждала короткую паузу в пару секунд, после чего ответила уже другим, каким-то глуховатым голосом:

– Я помню. Правда, самого Ромы я там не видела.

Александр внимательно посмотрел в глаза своей подопечной:

– Хорошо. Ты можешь описать хотя бы в двух словах, что там происходило? Бой, или авианалет, или...

Мещерякова ответила чуть резковато, перебив мужчину.

– Самолеты там были. Но бомбили они не нас, а... Кого-то на холме позади. Я не очень хорошо помню, но там, кажется, стояли пушки. Наши пушки.

– Так... Хорошо. А что еще ты помнишь? Что было потом?

– Потом...

Девушка на секунду замолчала, словно собираясь с духом, чтобы произнести это вслух, а заговорив, ощутимо вздрогнула всем телом:

– Потом на нас пошли танки.

Александр больше не решился расспрашивать девушку, вместо этого он аккуратно лег рядом с ней поверх одеяла, очень бережно обнял и начал нежно гладить ее по голове, одновременно приговаривая:

– Ну все, все... Тебя там больше нет... Это ведь все не настоящему...

На пару минут в комнате повисла тишина, прерываемая тихими, успокаивающими словами мужчины, но тут Мещерякова отрывисто, быстро заговорила сама, стараясь выплеснуть из себя пережитый во сне ужас:

– Я была в блиндаже. Кажется, санитарном пункте. Вроде бы не одна... Когда начали стрелять, я хотела пойти к Роме, но мне запретили, сказали, что там слишком опасно... Начался бой, танки стали давить окопы, а два танка... – Тут девушка прервала рассказ, словно попыталась проглотить ставший в горле ком. Но спустя некоторое время продолжила: – Два танка пошли прямо на нас. Там были наши военные... У них был командир. Он что-то кричал, приказывал... Они сумели забросать один танк гранатами, бутылками с зажигательной смесью, а вылезших из него немцев расстреляли, но... Немцы тоже стреляли. Из танков – пушек и пулеметов, – а уже потом из автоматов... Они ранили одного парня, совсем еще молодого, практически мальчишку. Я подхватила его под плечо, хотела помочь дойти до санпункта... Я бы сумела его перевязать, я уверена, что у меня бы получилось остановить кровь.

Тут Мещерякова в очередной раз прервалась, но Александр не спешил торопить Олю. Пауза затянулась, и он уже подумал, что девушка и вовсе не сможет продолжить рассказывать, но тут она вновь заговорила:

– Но когда я вела раненого к блиндажу, второй танк выстрелил из пушки в наших... Я слышала, как после страш-

но кричали тяжелораненые, я хотела вернуться к ним... Но немец наехал прямо на окоп и начал давить раненых гусеницами... Я упала, мне было очень страшно, очень!!! Потом поползла назад. Попыталась помочь подняться тому мальчишке, но он потерял сознание... Тогда я положила его к себе на спину, руки закинула на плечи, попробовала встать... Мне было очень тяжело, но я сумела сделать с ним несколько шагов... А потом почувствовала, как что-то очень сильно бьет в его тело сзади, он вскрикнул, мы оба упали... А потом показался танк, он загородил собой все и ехал прямо на нас, дядя Саша... Прямо на нас! Было очень страшно!

Сердце Александра сжалось от дурного предчувствия. Когда девушка вновь надолго замолчала, он долго колебался, но наконец решился и, прочистив горло, с трудом вытолкнул из себя вопрос:

– Танк... Он наехал на вас?

Оля ответила совершенно бесцветным голосом:

– Не знаю... Я проснулась.

Больше мужчина ни о чем не спрашивал, а девушка ни о чем не рассказывала. Поделившись пережитым ужасом, она заметно успокоилась и вскоре задремала, а Александр, аккуратно уместив ее голову на подушке и заботливо поправив одеяло, поспешил к капсуле Самсонова.

Несмотря на то что ученый и разработчик «Великой Отечественной» никак не мог повлиять на прохождение Романом игрового процесса, Александр все же имел возможность

отслеживать различные показатели. Например, такие, как дата в виртуальной реальности, локация, уровень опасности... И сейчас уровень опасности находился в красной, критической для персонажа Самсонова зоне.

23 августа 1942 года

Декретное время: 18 часов 47 минут

Район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

Все же мне повезло: на дне траншеи, рядом с раздавленным окопом я увидел валяющуюся в стороне ручную противотанковую гранату конструкции Пузырева. Ранее я ими никогда не пользовался, но мне на помощь быстро пришел помощник, чей голос внезапно раздался прямо в голове:

– Запал в нее уже вставлен. На ручке в ушко вставлен предохранительный шплинт – чека, – на нем еще язычок из тесьмы. Отожми усики, вырви шплинт и бросай. В полете откидная планка отлетит сама, освобождая ударный механизм от иглы. Ударник мгновенного действия срабатывает при малейшем ударе, так что будь осторожен при броске! И помни, что для РПГ-41 дистанция броска не превышает десяти метров, а метать ее нужно из укрытия, иначе заденет ударной волной и осколками!

– Нет здесь никаких укрытий...

Зло сцепив зубы – я увидел раздавленный блиндаж сан-

пункта и торчащую из-под его обломков ногу в солдатском ботинке (правда, мужскую), – я на бегу отжимаю усики чеки, одновременно крикнув Степанову:

– Женья, прячься в ходе сообщения, граната рванет будь здоров!

Самоуверенный экипаж танка оторвался от пехотного прикрытия, стремясь раздавить очередной, возможно, последний узел обороны большевиков. Сейчас он азартно прет вперед над ходом сообщения, обваливая края траншеи гусеницами – возможно, видит перед собой еще одну цель... Но зато немцы не видят меня.

На бегу вырвав чеку, я приближаюсь к «тройке» даже меньше чем на десять метров и что есть силы бросаю гранату на жалюзи, прикрывающие двигатель машины. Жалюзи защищены тонкой броней, толщиной не более десяти миллиметров, и усиленная граната РПГ-41 взрывается, едва коснувшись их, пробив броневой лист и смяв решетку. Но, коротко тормознув, машина продолжает двигаться. Теперь она разворачивается в мою сторону, доворачивая башню...

После броска я сразу же прыгнул на дно окопа, и взрывная волна РПГ, способная сбить неудачливого гранатометчика с ног, одновременно зацепив его и осколками, проходит заметно выше над головой. Вскочив на ноги, тянусь к подsummary и достаю последнее свое оружие, ручную противопехотку Дьяконова, практически бесполезную против танка. Практически – потому что брешь в едва ли не самое уязвимое место

немецкой машины пробита...

Все решают считанные мгновения. Для начавшего разворачиваться на месте танка я сейчас нахожусь в мертвой зоне для огня его пушки и пулеметов, так как слишком близко подобрался. А вот раздавить меня, раскатать гусеницами в траншее, завалив землей и придавив сверху массой в более чем двадцать тонн, «тройка» вполне способна, и на маневр ей требуется совсем немного времени. Но что-то явственно загремело, захрустело в двигателе, машина дернулась рывком, теряя ход и даря мне лишние секунды. А мои ненависть, желание поквитаться с фрицами за, возможно, погибшую Ольку, дикий страх пусть и за бот, но являющийся фактически живым воплощением памяти о любимой – этих чувств хватило, чтобы буквально подбросить меня на ноги и заставить преодолеть последние метры до танка...

Поставленная на боевой взвод «эргэдэшка» влетает точно в рваную брешь – с дистанции в один метр я не промахнулся! Немец же, сползший с траншеи на твердую землю, за следующие пару секунд закончил разворот ко мне, но тут в утробе танка раздался не слишком громкий, глухой хлопок подрыва ручной гранаты. Панцер дернулся в последний раз и замер на месте, а из-за башни вверх повалил черный дым, вначале тонкой струйкой, но она становилась все более плотной и густой с каждым ударом сердца...

Я бросил взгляд влево, вперед по траншее, туда, куда следовал танк, и явственно вздрогнул. Буквально в пяти метрах

от себя я разглядел бледную как смерть Ольку, залитую кровью, и неподвижно лежащего рядом с ней парня в изодранной на спине пулями гимнастерке. Широко распахнутые от ужаса глаза казачки показались мне мертвыми, отчего все внутри больно сжалось, но в следующую секунду она моргнула, а во взгляде промелькнуло узнавание... Я понял, что девушка жива, испытал при этом невероятное облегчение... Вот только расслабился я слишком рано. Из открывшегося в командирской башне и одновременно из бокового люков показались сразу два танкиста, вооруженных МП-40.

Густо ударили очереди, но я успел инстинктивно нырнуть вниз, под защиту бровки хода сообщения. Пули просвистели сверху, немцам здесь меня не достать, из автоматов по крайней мере. А вот гранатами добить могут запросто...

Справа, довольно близко от нас, грохнул выстрел мосинки. Один из танкистов начал стрелять на голос трехлинейки, а вот второй временно замолчал. Угадав, что немец готовит для броска гранату, я резко распрямился, одновременно выхватив из кобуры ТТ.

Три патрона. Первой пулей впопыхах смазал – она ударила ниже, срикошетив от лобовой башенной брони, но вторая вошла в грудь скривившегося от боли офицера. Слабеющими пальцами он выпустил «яйцо» с уже оборванным шнурком из руки, сил на полноценный бросок ему не хватило... Третья пуля ударила в плечо развернувшегося ко мне автоматчика, и ответная очередь прошла в стороне, лишь заце-

пив правую руку чуть выше локтя. Зашипев от боли, я вновь сел на дно траншеи, сжимая в ладони бесполезный теперь ТТ, вставший на затворную задержку...

Вновь ударил выстрел мосинки, от танка раздался отчаянный вскрик, практически сразу следом негромко хлопнула М-39. Явственно заревело быстро разгорающееся пламя, охватившее всю корму танка, его языки принялись лизать башню; открылся люк механика-водителя.

Сняв затвор ТТ с задержки, я направил пистолет на показавшегося механа и злобно, властно выкрикнул:

– Хэндэ хох! Кам цу мир!

Немец на мгновение замер, зло и одновременно испуганно смотря на пистолет в моей руке; возможно, он бы и рискнул захлопнуть люк, нырнув обратно, или попробовал бы достать свой вальтер, но рядом со мной встал запыхавшийся, тяжело дышащий Степанов с трехлинейкой, так же уверенно смотрящей фрицу в грудь, который что-то громко сказал, после чего вытянул вверх обе руки.

– Кам цу мир! Шнелля!

Мой немецкий без поднастроек – это, конечно, что-то с чем-то. Но некоторые расхожие фразы я помнил еще с детства, и танкист, плотно стиснув губы так, что они вытянулись в тонкую линию, покинул танк, сделав первый шаг в нашу сторону. Видать, все-таки понял!

Все изменилось в одно мгновение. Сзади слышались выстрелы приближающегося к нам немецкого десанта, пу-

ли ударили совсем рядом, фонтанчиками вздыбив земляную стенку окопа. Упал на землю механ, потянувшись к кобуре на поясе, а следом из танка рванули еще два члена экипажа, правда, оружие они оставили внутри боевой машины. Очевидно, горящий панцер вкупе с погибшим командиром и еще одним танкистом, а также предупреждение механа о держащих его на мушке большевиках сломило желание доблестных зольдат драться! Н-да... Вот только мы теперь оказались фактически в ловушке...

Грохнул чудовищно мощный вблизи взрыв – башню панцера сорвало с погон и отбросило в сторону, а пытающихся спастись танкистов буквально подбросило в воздух, оторвав от земли. Мы с Женькой успели нырнуть вниз, но все же испытали на себе сильнейший удар обжигающе горячего воздуха... А сверху раздался дикий крик вспыхнувшего от разлившегося бензина механа, бездумно бросившегося вперед и тут же свалившегося в окоп рядом с нами...

– Helfen Sie!!!

– Конечно, дорогой, конечно, сейчас я тебе помогу...

Я рванулся к гансу, словно дикий кот к мыши, одновременно выдернув из поясных ножен финку с потертой рукоятью. Не раз меня выручал верный клинок, не подвел и сейчас, мягко войдя в тугую человеческую плоть в районе печени – еще раз и еще...

Не обращая внимания на объятый пламенем комбинезон, я вырвал клинок из тела затихшего танкиста и нашарил в его

кобуре так и не извлеченный вальтер с запасной обоймой (ну не успел его механ достать).

– Уходим!

Пять метров до все еще лежащей на земле Ольки я проскочил едва ли не за секунду, упав на колени рядом с казачкой.

– Ты ранена? Где?!

Но девушка ничего мне не ответила, со страхом и одновременно обреченной надеждой глядя мне в лицо. Однако, внимательно осмотрев окровавленную гимнастерку супруги и для верности проведя по ней рукой, я так и не обнаружил даже намека на рану.

– Сними с мертвого ремень, глядишь, что-нибудь нужное в под сумках есть, и ходу, Женя, ходу!

Сам же я от души залепил крепчайшую пощечину девушке, так, что ее голова дернулась, а взгляд мгновенно стал ошарашенным и злым.

– Ну-ка бегом, пока нас здесь всех не положили!!!

Уйти мы не успеваем. Единственное место, куда возможно отступить, – это танковые капониры, стоящие в двухстах метрах позади опорного пункта, но до них ход сообщений не протянут. Нам пришлось выбираться из траншеи на открытое пространство, где практически сразу были вынуждены залечь – немцы ударили в спину из карабинов и двух автоматов, а вскоре, я уверен, подключится МГ. А то и не один! Огрызнулись, как смогли: Степанов трижды довольно мет-

ко выстрелил из винтаря, а я с задержкой метнул единственную «лимонку», найденную в подсумке убитого бойца. Немцы ответили бросками сразу нескольких «колотушек», на наше счастье, легших в стороне.

Неожиданно из капонира по преследующему нас врагу ударили длинные очереди танкового «дегтярева». Стрелок, решившийся нас прикрыть, или слишком неопытен, или, что вернее всего, контужен. А может быть, и ранен... И все же его огонь подарил нам короткую передышку, за время которой мы в две перебежки, по три секунды каждая, преодолели метров где-то пятьдесят.

А потом звук движков уцелевших «троек» за спиной стал неотвратимо к нам приближаться...

Глава 4

23 августа 1942 года

Декретное время: 19 часов 14 минут

Район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

Но рев моторов, а затем и сплошной лязг гусениц послышались и впереди нас. С обжигающей душу, отчаянной надеждой я уставился на две «тридцатьчетверки», бодро катящие к позиции погибшей роты, и нестройную толпу рабочих с трехлинейками в руках, вышагивающих за танками в полный рост. Как на демонстрацию идут, бараны! И все же контратака истребительного батальона, имевшая место быть и в реальной истории, – это сейчас все, на что мы можем надеяться. Других чудес уже не будет...

T-34, чьи экипажи укомплектованы не кадровыми танкистами и даже не курсантами, открыли неприцельный огонь по врагу с ходу. Но эти неточные выстрелы заставили уцелевшие на нашем участке панцеры попытаться. «Троек» осталось всего четыре штуки – видимо, еще один зарвавшийся экипаж сгорел, давя гусеницами русских, неожиданно жестко огрызнувшихся бутылками с КС...

Но немцы всегда умели воевать, хоть в атаке, хоть в отступлении. Пятясь, делая короткие остановки, они всего за

пару минут разбили ходовую одной «тридцатьчетверке», разули гусеницы другой и принялись методично расстреливать оба танка из четырех орудий. Бой идет на дистанции примерно восемьсот метров, так что броня только выпущенных с конвейера машин пока держит удары германских бронебойных болванок. Но ключевое тут слово «пока»...

– Женя, слушай внимательно: берешь Олю, и вместе ползете, не поднимая ни головы, ни задницы, в сторону крайнего справа капонира. Потом попробуйте уйти к нашим, главное, двигайтесь в стороне от линии огня.

– А ты что?! – Впервые голос подает казачка, причем тон у нее очень недовольный – видать, еще не простила пощечины! Но одновременно в нем слышится и явная, неподдельная тревога, отчего в груди становится непривычно тепло.

– А я попробую прикрыть вас и помочь нашим чем-то по-настоящему, чем эта пукалка! – Взглядом указав на кобур, в которую убрал вальтер, я легонько толкнул Степанова в плечо и, прямо посмотрев в глаза бойцу, коротко, властно произнес: – Выведи ее отсюда, ясно?! Это приказ!

Евгений понятливо кивнул, начав забирать вправо и потянув за собой Мещерякову (все-таки про себя я по-прежнему вспоминаю ее девичью фамилию). Казачка мазнула по мне гневным и одновременно тревожным взглядом, в глазах ее читалась то ли мольба, то ли приказ: «сбереги себя»! Попробую, Оля, попробую... Мне вообще-то умирать никак нельзя, да только как тут можно сберечься? Только драка, и толь-

ко до победы, ведь побежденным от фрицев пощады ждать точно не стоит...

Я сам, насколько это было возможно, быстро ползу к третьему, крайнему слева капониру, от которого еще совсем недавно подавал голос снятый с танка ДТ. Ползу по недавно примятой гусеничными траками и солдатскими ботинками высокой траве, уже вновь тянущейся вверх, к небу. Жизнь берет свое.

Прополз я, наверное, метров сто, однако немцы и так сосредоточили огонь карабинов и скорострельных МГ на пытавшихся бежать вперед, но теперь уже залегших рабочих завода. Так что я рискнул и за две короткие перебежки прикрыл практически всю оставшуюся дистанцию до вроде бы уцелевшего танка. Вроде бы – потому что, приблизившись, я увидел целых две пробоины в башне «тридцатьчетверки».

– Ты кто?!

Голос спрашивающего сухой, надломленный. Отвечаю уверенно, максимально дружелюбно, что особенно актуально в сложившихся обстоятельствах:

– Я – старший лейтенант Самсонов, двести восемьдесят второй полк войск НКВД. Ты нас прикрыл буквально пяток минут назад, спасибо!

– Ага... Вас же вроде трое было?

Вместо ответа я бегом преодолеваю последние метры до стоящего в капонире танка и падаю рядом с забрызганным кровью сержантом, все еще держащим у плеча телескопиче-

ский приклад пулемета.

– Двоих я отправил к заводским пробиваться, а сам хочу прикрыть их. И заодно рабочим помочь. Тебя как зовут, сержант?

– Федя.

Невысокий светловолосый парень, как кажется, контужен. Отвечает он чересчур громко, и заметно, что ему приходится вслушиваться в мои слова, чтобы понять их смысл. Да и взгляд у танкиста плывет...

– Ты кем в экипаже был?

– Механик-водитель.

Я понятиливо кивнул. Бронебойная болванка, пробившая башенную броню, зачастую приводит к детонации боеукладки. Но если последняя пуста (или практически пуста), болванка вполне способна перебить экипаж, рикошета от внутренних стенок. Судя по внешнему виду сержанта, его товарищей немецкие снаряды буквально разорвали на куски, и механу просто повезло уцелеть. Страшно представить, что сейчас творится внутри машины...

– Слушай, Федь, а у вас еще снаряды оставались, не знаешь?

Парень страдальчески посмотрел на меня – как видно, возвращаться в танк он не хочет ни под каким предлогом, но внутренняя честность добросовестного крестьянского парня (выводы я сделал по его простому, добродушному лицу и крепким мозолям на руках) не позволила соврать:

– Я слышал слова командира: «Бронепробивные – все». Но мы брали еще осколочно-фугасные, на стрельбах не все отстреляли.

Прямо, доверительно посмотрев механу в глаза, я начал буквально на пальцах объяснять, что необходимо сделать:

– Федь, наши там гибнут. Моя рота накрылась целиком, сейчас и рабочим достанется по первое число. Мы должны хоть как-то им помочь... Я стрелял из пушек, примерно знаю принципы наводки и зарядки. Если сможешь довернуть башню, мне большего и не надо... За экипаж твой отмстим! Ну же, ты ведь смелый парень, был бы трус, нас бы не прикрывал!

Я, конечно, могу и приказать как старший по званию, но чувствую себя обязанным фактически спасшему нас танкисту. Да и потом, если это будет его собственное решение, механ наверняка станет лучше воевать. Однако после недолгого молчания он огорошил меня своим ответом:

– Так поворотный механизм башни – он слева от орудия. Наводчик всегда и доворачивал... Тем более у нас он ручной, нету электропривода.

– Слышь, помощник, а ты чего молчал-то?

– *Уважаемый игрок, вы и не спрашивали.*

Круто, блин...

– Ладно, Федь. Тогда будь здесь, если что, прикроешь из ДТ.

Парень облегченно кивнул, после чего заметил:

– Товарищ старший лейтенант, я ведь курсовой пулемет снял, а там еще спаренный в башне остался. Дисков всего ничего было, у меня вот только два. Может, тогда бросите мне остав шиеся?

Залезая в нутро «тридцатьчетверки», в один миг превратившейся из боевой машины в братскую могилу, я едва сумел вымолвить:

– Посмотрим...

В ноздри практически сразу ударил тяжелый, удушливый запах сгоревшего тола, крови, распотрошенных внутренностей. Бойня, твою дивизию, настоящая, гребаная бойня... Пробираться наверх расхотелось, как только я увидел рядом с креслом механика-водителя оторванную кисть. А когда разглядел на кресле наводчика танкиста, практически порванного в районе живота, чьи сизые кишки толстыми колбасками вывалились вниз на полметра, меня и вовсе обильно так, жестко вырвало. А когда я поднял взгляд – еще раз.

Невероятным усилием воли, буквально зарывав от ярости и брезгливости, я пополз наверх, столкнув с сиденья тело убитого командира. Тот, словно мешок, завалился набок, освободив испачканную кровью и нечистотами сидишку... Тут же я разглядел и заряжающего, в груди которого зияет страшная дыра – сквозь нее виден пол... Но после картины воистину жуткой смерти командира танка тело неизвестного мне младшего сержанта показалось уже не таким и обезображенным. При этом мысленно я поблагодарил всех святых,

что четвертого члена экипажа в танке просто не оказалось: видать, не радийная это «тридцатьчетверка», а может, просто не было его сегодня на учениях, стрелка-радиста...

Глубоко выдохнув, вдохнув и снова выдохнув, я потянулся к казеннику орудия. Слава богу, он оказался пустым. Бери снаряд да досылай, вот и весь сказ. Кстати, один осколочный я разглядел у тела мертвого заряжающего, еще три – в практически пустой боеукладке в задней части башни. Негусто... Но салют по погибшим танкистам дать хватит!

Дослав снаряд в казенник, я вновь глубоко выдохнул, преодолевая брезгливость, и сел в темную кровавую жижу, растекшуюся по сиденью. Положив правую руку на маховик вертикальной наводки, очень аккуратно, медленно навел орудие по высоте стоящих впереди фрицевских танков, затем взялся левой за маховик ручного привода поворота башни. Я принялся крутить его еще медленнее, молясь, чтобы фрицы не заметили движения башни давно замолчавшего танка...

– Наводи на борт ближнего. У него толщина брони сбоку – тридцать миллиметров, как у «штуги». А на испытаниях, организованных на советских полигонах, осколочно-фугасный снаряд калибра семьдесят шесть миллиметров, выпущенный из орудия Ф-34, проломил броневые листы именно этой же толщины. Осколки и куски брони гарантированно уничтожили бы экипаж... Так что наводи.

– Ну, коли не шутишь, попробуем...

Действительно, вражеские машины, расстреливая сейчас Т-34 заводских рабочих, развернулись к ним более толстой лобовой броней и подставили мне борт. Правда, я уверен, что после первого же выстрела – особенно если выстрел станет удачным – немцы развернутся лбами ко мне... Но что мешает мне сделать *этот* выстрел по ненавистным «тройкам»?!

– *Аккуратно наводи. Это телескопический прицел ТМФД-7, для точного выстрела необходимо совместить перекрестье оптики с точкой наводки, при этом все шкалы должны стоять на нуле.*

– Ну, прекрасно, блин...

Я еще какое-то время провозился с маховиками наводки, совмещая перекрестье с бортом ближней ко мне «тройки», успевшей за это время дернуться вперед. Но, крутанув маховик ручного привода поворота башни, я догнал панцер во время короткой остановки, мне пришлось даже привстать с сиденья, чтобы не оторваться от оптики. И тут же в голове раздалось едва ли не отчаянное:

– *Все! Зажимай левую нижнюю педаль!*

Я послушно нажал, и тут же гулко грохнул выстрел, а из казенника вылетела стреляная гильза.

– *Есть!!!*

Как помощник и обещал, осколочно-фугасный снаряд взял тридцать миллиметров брони «тройки», проломив борт и заставив вражеский танк замереть на месте. Мертво так

замереть... И, как я и ожидал, оставшиеся машины тут же развернулись ко мне...

– Хочешь жить – беги!

Прозвучало достаточно убедительно для того, чтобы я как ошпаренный подскочил с кресла наводчика, схватил оба пулеметных диска, покоящихся в пазах у правого борта, и рванул наружу через башенный люк. Прыгнул вниз я уже одновременно с тяжелым ударом, сотрясшим «тридцатьчетверку», а после падения меня окатила сзади тугая волна горячего воздуха – все-таки подрыв боеукладки произошел. Правда, учитывая наличие внутри танка всего трех осколочных снарядов, взрыв вышел не сильным, лишь чуть сбив башню набок. А нас с Федей спасло то, что дизельное топливо разгорается не так быстро, как бензин, и мы успели отбежать от погибшей машины на безопасное расстояние прежде, чем «тридцатьчетверка» превратилась в огромный факел...

– Ну ты даешь, командир! Я и не верил, что сможешь попасть, а ты вон как фрица уделал! Отомстил за наших!

Ярко горит один из заводских танков, но наводчик второй, вынужденно вставшей машины сумел все же достать бронебойной болванкой одну из «троек», удачно закатив снаряд в район ее бензобака. Рабочая лошадка рейха практически мгновенно вспыхнула, а героический экипаж «тридцатьчетверки» продолжил часто стрелять, пытаясь достать и другие, активно маневрирующие панцеры. И пусть новых попаданий пока нет, для германцев, потерявших практически все танки,

это стало последней каплей – «тройки» принялись пятиться назад.

Возможно, «доблестные» воины панцерваффе (как и столь же «доблестные рыцари» Геринга, немецкие танкисты отметились на советской земле множеством военных преступлений) сослались на растрату боеприпасов. Хотя, насколько я знаю, панцергренадеры имеют за правило отступить при десяти процентах потерь; тридцать процентов потерянных машин считаются у них катастрофой, но сегодня они лишись едва ли не девяти десятых своих танков. Небывалое для нацистов упорство! Обычно они стараются поберечь своих людей, этого у них не отнять...

За танками наверняка отступил бы и десант, но командир истребительного батальона, человек или не имеющий боевого опыта, или вспомнивший лихие штыковые Гражданской, повел рабочих вперед. Именно так, как это любили изображать на картинах, как представляли в своих фантазиях юнцы, наслушавшиеся романтических небылиц о несгибаемых героях революции – в рост, не кланяясь пулям, густыми цепями... Дураков надо учить, и немцы не преминули подтвердить квалификацию лучших в мире учителей, сметя первые ряды истребительного батальона плотным огнем скорострельных МГ-34 и еще более скорострельных МГ-42.

Еще один дурак обнаружился под самым боком: не имея даже стрелковой ячейки или, на худой конец, естественного укрытия, механ ударил из ДТ по вспышкам МГ. Причем бес-

толково ударил, длинными, рассеивающимися очередями. И на хрена я ему те диски отдал?! Знал бы, что патронов мало, так был бы экономнее!

Ответные очереди «машингеров» скрестились на открытой позиции пулеметчика едва ли не в ту же секунду, когда я сгреб его и заставил откатиться в сторону. Ругнувшись, услышав короткий вскрик боли, я и сам зашипел, когда слепая очередь вспорола землю всего в десятке сантиметров от локтя, затем замер.

Вражеские расчеты вскоре вновь перенесли огонь на поле, где залегли рабочие, а десант стал поспешно отступать под их прикрытием.

– Федя, что?!

– Нога...

Зацепило парню стопу, пуля пробила подъем. Вон как повезло механу: рана-то, конечно, болезненная, пуля наверняка ведь раздробила много мелких косточек, но, если не оттяпают стопу в госпитале, о фронте танкист забудет надолго. А там, глядишь, и на нестроевую должность отправят.

...Рота Герасимова погибла фактически целиком. Да что там рота – накрылся, считай, весь батальон старшего лейтенанта Мороза вместе с комбатом! Практически в полном составе выбиты и батареи зенитчиц. Все отличия от моего реального прошлого только в том, что немцы понесли бо#льшие потери. Хотя помощник, вон, называет совершенно фантастическую цифру в восемьдесят три вражеских тан-

ка, подбитых в реальности батареями 1077-го зенап, курсантами 21-го и 28-го отдельных учебных танковых батальонов, целиком погибшим истребительным батальоном рабочих тракторного завода, да и, собственно, моим родным 282-м полком. Но эта цифра вроде бы указана за два дня боев, тут же считаются и танцеры, уничтоженные в схватке с зенитчиками и соседнего, 1078-го зенап, в числе которого также сражаются девушки-добровольцы... И все же я считаю, что 46 сожженных «троек» да еще пяток подбитых до кучи «ганомагов» на участке прикрываемых нами батареями – это лучший результат, которого смогли добиться целых три рода войск, действуя в плотной связке и до последнего прикрывая друг друга.

От роты вместе со мной, Женькой Степановым и Олькой уцелело всего двенадцать человек, по удивительному стечению обстоятельств – легко раненых. В основном бойцов, которых не так сильно завалило землей от прошедших над их головами танков и которых мы благополучно откопали после боя.

К моему огромному удивлению, уцелел и смелый политрук. Я-то предполагал, что сражавшийся до конца Двуреченских обречен на гибель в неравном бою, однако на войне бывает всякое, вот и сегодня близкий разрыв гранаты, наградивший молодого азартного воина веером мелких, не слишком опасных осколков, контузил Ивана. А фрицы, отступившие после ухода танков, не провели обязательного в другой

ситуации контроля политруков и комиссаров...

По отрывистым рассказам уцелевших, а также по собственным наблюдениям я сумел восстановить картину штурма немцами опорного пункта роты. В общем-то, восемью танков против нас было за глаза, их атака разрушила казавшуюся стройной систему обороны в самом начале боя, лишив многих бойцов мужества и воли к сопротивлению. Увы, эффективно, на равных драться с пехотой мы еще были готовы, но остановить танки без ПТРД и легкой противотанковой артиллерии было нереально... Однако узлы сопротивления стихийно возникали вокруг волевых командиров вроде нашего ротного и политрука, вокруг пулеметчиков, сражающихся до последнего.

Нами было сожжено несколько танков, но фрицы умело окружали очаги обороны, прижимая бойцов огнем многочисленных автоматов, особенно эффективных в ближнем бою: МП-38/40 у мотопехотинцев из танковых дивизий гораздо больше, чем в полевых частях. Как всегда ударно молотили «косилки Гитлера», скорострельные МГ-34 и МГ-42, а под их прикрытием немцы уверенно приближались к отстреливающимся ребятам и забрасывали наших большим количеством гранат.

Не имея единого центра управления, фактически лишенные связи со сражающимися рядом товарищами, молодые парни, призванные из Поволжья, гибли, успев забрать с собой сколько-то фашистов... И что самое удивительное, спас-

ла нас именно бестолковая, безрассудная атака заводских рабочих и особенно экипаж Т-34, принявший неравный бой и заставивший отступить превосходящего врага. Моя собственная роль во всем этом показалась уже не столь и значительной, особенно на фоне всех тех, кто принял сегодня смерть...

Так кончилось 23 августа 1942 года, первый день боев за Сталинград.

Глава 5

24 августа 1942 года

Декретное время: 00 часов 37 минут

Район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

Остатки батальона, которых набралось на целый взвод (точнее, двадцать восемь бойцов и командиров, включая меня, политрука Двуреченских и младшего лейтенанта Вадима Сиделева, взводного из соседней роты), ближе к десяти часам вечера вышли в распоряжение полка, закрепившегося на рубеже реки Мокрая Мечетка. Вместе с нами уходили уцелевшие батареи зенитчиц, их громоздкие пушки брали на прицеп трактористы с завода, свои машины они обшили листами броневой стали, так что получились у них настоящие бронетягачи.

Отступил едва ли не уполовиненный истребительный батальон вместе с Т-34 спасших нас смельчаков – ремонтники успешно натянули сбитую в бою гусеницу. Ушел и единственный уцелевший танк курсантов. Последние отстреляли все снаряды, после чего покинули машину, и получившая пробоины в башне «тридцатьчетверка» не загорелась... Отойдя за естественный оборонительный рубеж, все немного выдохнули, а добравшись до своих, едва ли не вповалку

рухнули спать. Я только и успел распорядиться насчет раненых...

Но поспать мне удалось всего два с половиной часа – нашел посыльный, направивший меня к хмурому, изможденному комполка. Ему уже успели оборудовать добротную, просторную землянку, но, судя по красным глазам майора, спать он не ложился. Да уж и куда там...

При виде меня на губах Митрофана Григорьевича появилась отдаленная тень улыбки:

– Проходи, Роман, жду тебя давно. Чаю хочешь?

Чая я хочу, а то из пересохшего горла и слова вымолвить не получается, так что я лишь согласно кивнул.

Майор распорядился, зашустрил сержант связист, выполняющий роль денщика, и вскоре я, обжигаясь, принялся осторожно, маленькими глотками пить из алюминиевой кружки щедро заваренный мелколистовой грузинский чай.

– Рома, знаю, досталось вам круто. И Мороза жалко, боевитый был командир... Но сейчас самим бы уцелеть, тормоза фрицев. Как думаешь, остановим?!

Тон последнего вопроса перестал быть добродушным, теперь он стал требовательным, отрывистым, жестким.

Я неуверенно пожал плечами:

– Река преградит немцам путь, по крайней мере, бронетехнике. Она ведь вроде неширокая, но илистая, поэтому германские пантеры с ходу не перемахнут, да и брод будут искать какое-то время. Если только кто из местных не под-

скажет.

При последних словах губы майора вытянулись в тонкую жесткую линию, но комполка промолчал, продолжая меня слушать.

– Если сосредоточить зенитную артиллерию и наши противотанковые пушки в местах наиболее вероятных бродов, а из танкистов сформировать мобильную группу, способную оперативно подскочить к точке прорыва...

Грущенко отрицательно мотнул головой:

– Забудь про танки. Оба учебных батальона сейчас дополняют машинами, но они уже получили свои участки обороны. На нашем «тридцатьчетверок» не будет.

– А зенитки?

Комполка неопределенно пожал плечами:

– Я попробую договориться хотя бы о паре батарей, но если одну разместят, то уже хорошо будет. Зенитчики только в тысяча семьдесят седьмом полку потеряли вчера целый дивизион, да и соседям из тысяча семьдесят восьмого пришлось несладко...

– Тогда мне нечего ответить, товарищ майор. Я атак таким массовым количеством вражеской бронетехники в жизни не видел, хотя повидал всякое. Когда немцы Парпачские позиции прорывали, там тоже жарко было. Но они вначале пехоту вперед пустили при поддержке штурмовых орудий и отдельной роты французских трофейных танков, а тут только на нашем участке как минимум танковый батальон драг-

ся. В дивизии их всего три будет, но если немцы найдут место удобной переправы и бросят в бой оставшиеся машины, они нас просто раздавят. Буквально. Без сильного огня артиллерии не удержимся точно, да и про мобильную танковую группу, которую можно оперативно перебросить к точке прорыва, я все-таки рекомендую поговорить. Такая «пожарная команда» будет очень кстати.

Майор согласно покивал головой, но в то же время как-то отстраненно, а после ткнул пальцем в расстеленную на грубо сбитом столе карту и начал нарезать мне боевые задачи:

– Никто не даст нам отсидеться за рекой. Получили приказ выдвигаться вперед. Вот смотри, высота девяносто семь и семь, она располагается в районе аэродрома Осоавиахима, высоту необходимо занять, пока там нет фрицев, и удержать. У тебя осталось человек тридцать? Наскребем еще шестьдесят, тебя поставим командиром сводной роты. Задача – держать оборону. Вопросы?

Я как-то глуповато ответил:

– А как же речка?!

Грущенко невесело усмехнулся:

– А это будет резервный рубеж обороны. Но ты сам должен понимать: займут немцы господствующие впереди нас высоты, разместят на них тяжелую артиллерию – и позиции полка, да и не только полка, сровняют с землей. Никакая речка не поможет.

Нервно сглотнув, я уточнил:

– А что насчет артиллерии?

– Из дивизии обещали прислать к утру с десятков расчетов ПТРД. Выделю тебе две штуки, так и быть.

У меня по спине аж мурашки побежали.

– Товарищ майор, я занимаю ротой участок, значительно превосходящий по протяженности уставной. По сути, рубеж обороны будет растянут в тонкую нить. Два расчета ПТР в этой ситуации – это капля в море.

Майор внимательно и жестко посмотрел мне в глаза:

– Тебе выделить единственную в полку батарею сорокапятков?!

– Учитывая, что бой будет за высоту, такое решение вполне логично.

Выждав короткую паузу, Митрофан Григорьевич жестко, категорично отрубил:

– Нет. Ты будешь держать северо-восточные скаты высоты, слева от тебя закрепится второй батальон. Вот им я и выделю батарею. Если что, сорокапятки отработают по целям в полосе ответственности твоей роты.

– Тогда дайте нам хотя бы батальонные минометы!

И вновь комполка отрицательно покачал головой:

– Они в резерве. Могу подкинуть пару «пятидесяток».

– Ну хоть что-то... Товарищ майор, надо договариваться с зенитчиками. Без нормальной артиллерии не удержимся. Четыре сорокапятки не остановят и танковую роту! И еще вопрос: кто прикроет меня справа? Первый батальон?

– Нет, справа участок обороны принимает сводный отряд моряков Волжской военной флотилии. А зенитчики мне не подчиняются. Они и так понесли большие потери, вряд ли кто решится перевести их пушки на передний край. Дам два станковых «максима» в придачу, о большем не проси.

Тяжело вздохнув, я все-таки послушался командира:

– Митрофан Григорьевич, я вас сердечно прошу, обратитесь к генерал-майору Фекленко! Без зениток нас сомнут в два счета. Немцы ведь в сорок первом регулярно использовали свои «восемь-восемь» как противотанковые орудия, почему мы-то не можем?

Но комполка лишь отмахнулся:

– Идите, товарищ старший лейтенант, поднимайте людей, принимайте пополнение. Полевые кухни покормят вас горячим, бойцам выдадут сухпак. Через час рота должна выступить в направлении высоты девяносто семь и семь! И приведите себя в порядок, вы командир войск НКВД или кто?!

Вспомнив об изгаженной, испачканной форме, которую я просто не успел поменять и от которой уже буквально смердит (главное, что отвратительный запах я почувствовал только после замечания Грущенко), я ответил чересчур резко:

– Есть!

После чего быстро развернулся и едва ли не выбежал из блиндажа, снедаемый и внезапным стыдом, и раздражением из-за непомерно сложной поставленной задачи. Ее должны выполнять силы значительно большие, чем сводная рота!

– В реальности высоту занял первый батальон полка, ныне уничтоженный. Но тебе и так сузили участок обороны.

– Могли бы занять его третьим батом, а сводную роту вывести в резерв!

– Во-первых, приказы не обсуждаются, во-вторых, у третьего батальона свои задачи.

– И с каких пор ты такой умный? И когда перешли на «ТЫ»?!

– Вообще-то, я скучал...

Голос помощника в моей голове стих, а я на мгновение замер, не понимая, то ли мне смеяться, то ли плакать. Надо же, скучал! В этой игре, видно, не только боты обладают изрядной долей человечности...

Остаток ночи прошел в организационной суеде и фактическом бардаке, который, увы, нередок в армии. Вначале я банально не мог найти, во что переодеться, так как ротный старшина погиб. Вроде бы и мелочь, всего лишь форма, и не об этом должен прежде всего думать командир. Однако когда от тебя крепко так тянет тухлятиной, в глазах подчиненных ты быстро теряешь авторитет. Как ни крути, а следить за собой приходится, иначе потеряешь уважение, а тут, как назло, такая, блин, засада. Нет, знай бойцы, где и, главное, при каких обстоятельствах я умудрился «испачкаться», никто бы даже и не подумал дурного, однако же бегать по расположению полка и всем рассказывать, какой я герой... Это

было бы как минимум странно.

Форму я раздобыл через политрука Двуреченских, имевшего полное право отправиться в санбат, но оставшегося в строю, что только упрочило мое к нему уважение. Крепко помог он и после, когда прибыло пополнение из соседних батальонов: на пятьдесят человек подкрепления нам выделили только два ручных пулемета и лишь одного взводного командира. Плюс по минимуму патронов и хорошо если по гранате на брата...

Рассвирепев, я бросился к комполка, но нашел лишь начштаба капитана Белова, а Иван переговорил с комиссаром. Белов, выслушав меня, долго матерился, навел шороху во втором и третьем батальоне, и хотя я минут на сорок тормознул время выхода к высоте 97,7, зато получил еще два ручных пулемета и младшего лейтенанта Кириллова в придачу. Да еще и недостающее отделение бойцов... Отдельный пулеметный взвод третьего бата, из состава которого мне должны были выделить станковые «максимы», я просто не нашел (!), а про обещанные расчеты ПТР никто толком и не слышал. Зато бойцам выделили патронов с запасом, по паре гранат и по бутылке с КС на брата.

Оббежав полк, тряхнув соседей и даже нагрянув к жителям поселка, окаймляющего тракторный завод, я раздобыл достаточное количество нормального шанцевого инструмента – в смысле простых штыковых и совковых лопат, а также некоторое количество кирок и ломов. Хорошее подспорье к

солдатским саперным лопаткам, порой ломающимся о твердый, утоптаный грунт! Заодно почувствовал острую необходимость найти толкового, хозяйственного старшину... А вот заступничество комиссара, с которым и говорил Двуреченских, фактически спасло меня от жаркого гнева раздраженного и уставшего комполка, узнавшего о нарушении обозначенных сроков выхода и развертывания на рубеже обороны.

Все утро перед рассветом рота окапывалась, зарывалась в землю. Извилистый ход сообщения, окаймляющий северо-восточные скаты высоты, соединил стрелковые ячейки уже после восхода солнца. Тогда же подвезли завтрак. Ну как завтрак... Тыловики где-то достали целую гору арбузов (хотя говорить «где-то» все же неправильно, так как в окрестностях Сталинграда бахчей очень много). Арбузы выдали вместе с хлебом, чтобы было сытнее, и натрудившиеся за ночь и утро бойцы с удовольствием грызли пахучую, хрустящую сочную мякоть, здорово утоляющую жажду. Два арбуза на четверых приговорили и мы – я, Оля, политрук Двуреченских и Женя Степанов, вошедший в мой ближний круг на правах одновременно и ординарца, и денщика, и телохранителя. А казачка, несмотря на пережитый вчера ужас, категорически отказалась покидать меня, и желанию жены я в итоге уступил. Впрочем, тут все равно не поймешь, где безопаснее.

В бой вступят все защищающие город части, сведенные в

боевую группу генерал-майора Фекленко, до недавнего времени бывшего начальником Сталинградского автобронетанкового центра. И где как закрутит, неизвестно, тут и помощник имеет весьма отрывочные сведения о том, как будет проходить сражение. Как он объяснил, в данном случае боты противника, в чью программу заложены как алгоритм излюбленных действий командования вермахта, так и их основные тактические приемы, имеют определенную свободу выбора действий. Во как! А тут Оля все же под каким-никаким, но присмотром. Если на то пошло, игровой клон возлюбленной вчера спас именно я.

Можно было, конечно, под каким-нибудь относительно легальным предлогом отправить девушку в город (где, кстати, наконец-то началась спешная эвакуация гражданского населения). Да только нет у меня уверенности, что события массированного налета на Сталинград, имевшие быть место в реальной истории 23 августа, не повторятся в игре сегодня. Короче, Олька осталась со мной в качестве ротного санинструктора.

За трапезой историей своей жизни поделился Ванька Двуреченских. Будучи родом из Нижнего Поволжья, будущий комиссар родился в обычной крестьянской семье, хлебнувшей лиха и в Гражданскую, когда на фронте сгинули где-то отец и дядя по материнской линии, и во время грянувшего в начале 20-х голода, унесшего жизни практически половины семьи, подобрав всех стариков. Ваня уверен, что если бы ма-

ма, красивая молодая женщина, успела бы родить до гибели отца не одного, а двух или трех детей, то сегодня он с нами не сидел бы. Но Двуреченских повезло быть единственным ребенком.

Каких усилий его матери стоило выходить в страшный голод полуторагодовалого младенца, это отдельный сказ, но выходила ведь, несмотря ни на что! Позже она вновь вышла замуж, за Григория, крепкого, справного мужика, схоронившего в голод жену и младшенькую дочку, но вытащившего обоих старших сыновей. Ваня всю жизнь называл батей этого сурового, скорого на расправу, но по-своему справедливого мужика, не питавшего к пасынку особых родительских чувств, но и не загонявшего того под лавку. В середине двадцатых мамка родила Григорию еще двух детей. Маленькие сестренки Ивана и его старших сводных братьев, наконец, сделали их членами одной семьи, пусть не полноценно родными, но все же именно они связали всех их кровным родством. До того от старшаков Ваньке доставалось крепко...

Коллективизацию и так небогатая деревня Двуреченских встретила без особых потерь. По крайней мере, семью парня, хоть и имевшую относительно крепкое хозяйство, в кулаки никто не зачислил. Но грянувший после голод ударил по ней с полной силой, едва ли не забрав маму с младшей сестрой.

Сводные братья в полной мере пахали уж в колхозе с батей, и лежащих при смерти родных выходили Ваня и Светка, старшая из двух сестер. Они обползали все окрестные

небольшие пойменные леса в поисках орехов, грибов и ягод, ловили рыбу, ставили самодельные силки на птиц, охотились на небольших, но жирных сусликов, заливая водой найденные норы. Из рыбы варили уху, вываривая практически до костей. Мясо дичи обычно заливали очень большим количеством воды. Бульон получался не слишком жирным, но все же питательным, и выходило его много, что позволяло вдоволь напоить питательной жидкостью обессилившую женщину и ее маленькую дочку.

Выжившая благодаря сыну и старшей дочери мама положила всю себя на то, чтобы сын закончил школу, все десять классов. Доучивался он в Бальцере, который в мае этого года переименовали в Красноармейск, так как там у недовольного бати, теряющего лишнюю пару рук работающего парня, жила родня. Но мама была непреклонна в желании выбить сыну билет в лучшую жизнь вне колхоза, где людям жилось откровенно впроголодь, и она своего добилась.

После школы была служба в армии, где грамотный, старательный Ваня Двуреченских стал вначале комсоргом, а потом и вовсе поступил в только что открывшееся Сталинградское военно-политическое училище, по окончании которого младшего политрука Двуреченских направили в 19-ю стрелковую дивизию войск НКВД, из мобилизационного резерва которой и сформировали 282-й полк. Такой вот жизненный путь крепкого русского парня, едва не погибшего вчера под гусеницами панцера Т-3, а после – от разрыва «колотушки».

Как представить, сколько сил отдала его мама, чтобы парень из глухой приволжской деревушки выжил во младенчестве и выбился в люди... А ведь вчера все ее усилия едва не обратились прахом, причем в буквальном смысле этого слова.

Хотя, если вдуматься, за каждым из погибших на фронте – нередко глупо, нелепо и бестолково – стоят матери и отцы, которые сами прошли страшную Гражданскую и выносили детей в одну из самых тяжелых для страны годин. Сколько любви и сил они вложили, чтобы ребенок вырос, да и просто чтобы банально выжил в голодные годы в начале двадцатых, а затем и тридцатых? А после догонит его слепая пуля или упадет сверху бомба (мина, снаряд), и порой не остается даже останков, которые можно было бы похоронить.

Да и павшие воины, упокоенные в братской могиле... Родители, чаще матери, получают похоронку, и все. А где могила сына, куда можно прийти хоть поплакать, проститься с нежно любимым ребенком? Где она?! Оплывший от дождей холмик и покосившаяся табличка у места последнего боя – и это в лучшем случае...

Этих ребят ведь даже никто не отпел. И уже в мое время поисковики со священниками-энтузиастами находили останки и достойно хоронили православных воинов (поколение начала 20-х было крещеным), совершив над павшими последнюю службу...

Глава 6

24 августа 1942 года

Декретное время: 9 часов 11 минут

Высота 97,7, район Сталинградского тракторного завода, 282-й полк НКВД

Где-то через полчаса после завтрака на сводную роту посыпались плюшки, как принято говорить в моем настоящем. Во-первых, комполка все же сдержал практически все свои обещания – на высоту прибыло два полных расчета станковых «максимов» и два расчета бронебойщиков с противотанковыми ружьями конструкции Василия Дегтярева. Особенно я обрадовался неполному отделению расчетов ПТР, сразу нарезав задачи их старшему, сержанту Владимиру Аксенову.

– В бою хоть раз был?

Бронебойщик отрицательно покачал головой, я же внутренне ругнулся.

– Толщина бортовой брони немецкого танка Т-3?

После короткой паузы немного напрягшийся сержант дал верный ответ:

– Тридцать миллиметров.

– Правильно! А лобовая – пятьдесят. Теперь ответь мне, каковы табличные показатели бронепробиваемости твоего ружья?

Аксенов ответил уже более уверенно:

– За триста метров – тридцать пять миллиметров брони, сорок – за сто метров.

– Правильно. А это значит что? Что «тройку» твое ружье в лоб не возьмет, равно как и со ста метров. Так? Значит, бесполезно вести по ней фронтальный огонь?

Сержант немного помялся, но все же ответил отрицательно:

– Не совсем так. Рекомендуются вести огонь по гусеницам. Если разуть танк в движении, его может развернуть, и в результате он подставит борт. Также можно вести огонь по шаровой пулеметной установке, так как там броня слабее, по смотровым щелям...

Я довольно резко перебил бронебойщика взмахом руки, после чего чуть насмешливо поинтересовался:

– А теперь скажи мне, пожалуйста, с какого выстрела ты перебежешь гусеничные траки или попадешь в смотровую щель? И на какой дистанции «тройка» накроет тебя ответной пулеметной очередью или осколочным снарядом?

Владимир замялся, а я продолжил уже чуть более мягче, но одновременно наставительно:

– Когда расчет ПТР открывает фронтальный огонь по прущему на него танку менее чем с трехсот метров, это ситуация, когда бронебойщики принимают смерть, но не сдаются, как матросы крейсера «Варяг». Шанс остановить немецкий панцер есть, но у вражеского экипажа шансов накрыть

тебя осколочной гранатой, или прошить пулеметной очередью, или просто раздавить в окопе гораздо больше. Потому мы сделаем так... Видишь подъем на гряде практически у самого края на правом фланге роты?

Аксенов утвердительно кивнул.

– Мы там подготовили для вас две ячейки. Место это удобное, потому что на данном участке танки вверх точно не поднимутся, слишком крутой подъем. Они попрут левее, подставив вам борт. Мы же по фронту позиции насыпали несколько небольших холмиков – это и ориентиры, и границы участков определенного метража: сто метров от окопов, двести, триста, пятьсот... Вынесенные чуть вперед три холмика на правом крыле, которые стоят кучно, – это как раз дистанция в триста метров от ваших ячеек.

Понял уже, что речь идет не о фронтальном огне, а именно косоприцельном, то есть фланкирующем? Попрут фрицы хотя бы по границе этого участка – бейте в борта, цельтесь в кормовую часть, где бензобаки, в крайнем случае по ходовой. Триста метров от двух ваших ячеек – это зона вашей ответственности. За ее пределами танки – именно танки – достать не пытайтесь. Вот если всякая вредная мелочь попрет типа бронетранспортеров или бронеавтомобилей, то пожалуйста. А панцеры тогда уж лучше пусть до окопов дойдут – больше шансов сжечь их бутылками с КС.

Хуже будет, если сумеете повредить что-то в ходовой, так как танк замрет, но будет садить по нам из обоих пулеметов

и пушки. И попробуй его, гада, достать! Людей у меня мало, так что в прикрытые выделю вам расчет с «дегтяревым» и двух стрелков поопытней. Будете узлом обороны. Все ясно?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

Судя по прямо засиявшему лицу бронебоя, то, какую роль в грядущем бою я ему определил, разложив буквально по полочкам стоящую перед ним задачу – усиленную, что немаловажно, – его очень порадовало. Как и то, что его расчетам заранее подготовили выгодную во всех смыслах позицию.

Согласен, командир, понимающий тонкости ремесла работы спецов и умело использующий их в бою, является, в общем-то, редкостью. Можно сказать, Аксенову и его орлам со мной повезло...

– Раз понял – выполнять! Так, ну а теперь вы, товарищи пулеметчики...

Расчеты станковых «максимов» я спрятал в глубине позиций, проанализировав опыт последнего боя и взяв пример с фрицев. Слишком опасно помещать станкачи на переднем крае, хотя разместить один из тяжелых пулеметов рядом с бронебоями было очень привлекательно... Но все же я решил этого не делать. Достаточно и того, что направил к Аксенову наиболее опытный расчет ручного «дегтярева». Дело в том, что если на фланге раньше времени заговорит «максим», это привлечет внимание экипажей бронемашин или минометчиков. То, что вчера немцы не запускали по нам

свои «огурцы», еще ни о чем не говорит. И наоборот, вступят в бой бронбойщики, а под раздачу попадет расчет станкача...

Вновь прибывшим пулеметчикам я приказал замаскировать оружие и до поры до времени молчать, а в бой вступить только тогда, когда мотопехота фрицев, приблизившись к окопам на финальный рывок, поднимется в рост – оставшиеся до траншей метры даже немцы добегают. Пригнувшись, но добегают. И это самый ответственный момент, когда густые, ровные строчки очередей кучно и метко бьющих «максимов» окажутся наиболее эффективны как для подавления противника, так и для уничтожения его живой силы.

Но это было только во-первых. Во-вторых, комполка прислал несколько ящиков простых в использовании и мощных, очень эффективных в обороне «лимонок» Ф-1, а также пять штук танковых «дегтяревых», изъятых с заводских складов. Как мне сказали, там на хранении было до полутора тысяч пулеметов, которыми сейчас спешно вооружают аврально доделывающиеся «коробочки», а также выдают их безлошадным танкистам, которые в составе танковых батальонов будут играть роль пехотного прикрытия. Также ДТ вооружаются курсанты военно-политического училища, спешно брошенные на передовую, ну и нам заодно выделили.

Впечатлило число танков, которые, по слухам, сегодня ввели в строй: тридцать шесть Т-34 и даже три тяжелых КВ! Это ведь немалая сила. Я бы даже сказал – силища! Полно-

кровный танковый батальон! Причем каких танков, лучших из лучших! И к слову, также по слухам (в обоих случаях подтвержденных помощником), Фекленко выделил отдельную роту в резерв, в качестве «пожарной команды».

Впрочем, на решение генерал-майора вряд ли могли повлиять мои слова, переданные через комполка Грущенко, простого майора. Нет, Фекленко – это боевой генерал, пусть и не слишком удачно воевавший с немцами, но понимающий необходимость держать под рукой резерв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.